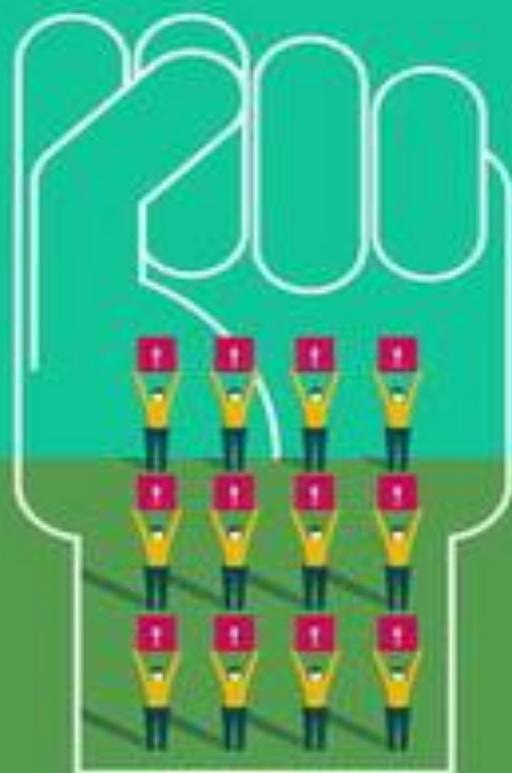

СИНЕРГИЯ

Научно-практический журнал

ISSN 2415-7708

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СИНЕРГИЯ»

Иголкин Сергей Леонидович, к.экон.н., профессор, ректор, Воронежский экономико-правовой институт – главный редактор;
Смолянинова Ирина Вячеславовна, к.экон.н., доцент, проректор по научно-исследовательской работе, Воронежский экономико-правовой институт – заместитель главного редактора;
Шаталов Максим Александрович, к.экон.н., доцент, начальник научно-исследовательского отдела, Воронежский экономико-правовой институт – ответственный секретарь

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Алиев Назим Казым оглы, доктор юридических наук, доцент, Национальная авиационная академия, г. Баку, Азербайджан;
Атабеков Алмаз Каримович, к.экон.н., доцент, Ошский Технологический университет имени академика М. Адышева, г. Ош, Кыргызстан;
Ахмаджанов Мерлан Азаматович, к.экон.н., доцент, Аппарат Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, г. Кызыл-Кия, Кыргызстан;
Буханова Наталия Валентиновна, к.мед.н., доцент, Университет Далхаузи, Галифакс, Канада;
Гыязов Айдарбек Токторович, к.экон.н., доцент, Кызыл-Кийский институт технологий, экономики и права, г. Кызыл-Кия, Кыргызстан;
Зайцев Игорь Станиславович, к.пед.н., доцент, Академия последипломного образования, г. Минск, Беларусь;
Зулпуев Абдипан Момунович, докт.тех.наук, профессор, ректор, Кызыл-Кийский институт технологий, экономики и права, г. Кызыл-Кия, Кыргызстан;
Клименко Ирина Сергеевна, д.техн.н., профессор, Костанайский государственный педагогический институт, г. Костанай, Казахстан;
Кулуева Чынара Раимкуловна, д.экон.н., профессор, Ошский государственный университет, г. Ош, Кыргызстан;
Кунуев Пирмат Кунуевич, д.экон.н., профессор, член-корр. национальной академии наук КР, заслуженный экономист КР, Ошский государственный университет, г. Ош, Кыргызстан;
Раимбаев Чаткалбай Кенейбаевич, к.экон.н., профессор, ректор, Кыргызско-Узбекский университет, г. Ош, Кыргызстан;
Ромасевич Юрий Александрович, д.техн.н., доцент, Национальный университет биоресурсов и природопользования Украины, г. Киев, Украина
Сас Наталия Николаевна, д.пед.н., профессор, Полтавский национальный педагогический университет имени Владимира Галактионовича Короленко, г. Полтава, Украина;
Убайдуллаев Мирланбек Байдусенович, к.экон.н., доцент, Ошский государственный университет, г. Ош, Кыргызстан

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Абдалина Лариса Васильевна, д.псих.н., профессор, Российский государственный социальный университет;
Бабаева Анна Владимировна, д.филос.н., профессор, Воронежский экономико-правовой институт;
Баутин Василий Михайлович, д.экон.н., профессор, Воронежский государственный университет инженерных технологий;
Безрукова Татьяна Львовна, д.экон.н., профессор, Воронежский государственный лесо-технический университет;
Богомолова Ирина Петровна, д.экон.н., профессор, Воронежский государственный университет инженерных технологий;
Брянцева Лариса Викторовна, д.экон.н., профессор, Воронежский государственный аграрный университет;
Гудименко Галина Валерьевна, д.экон.н., профессор, Орловский государственный университет экономики и торговли;
Кабанов Вадим Николаевич, д.экон.н., профессор, Воронежский экономико-правовой институт;
Кургузкина Елена Борисовна, д.юрид.н., профессор, Воронежский государственный аграрный университет;
Лелеков Виктор Андреевич, д.юрид.н., профессор, Воронежский институт ФСИН России;
Липатов Вячеслав Александрович, д.мед.н., профессор, Курский государственный медицинский университет;
Максимчук Ольга Викторовна, д.экон.н., профессор, Волгоградский государственный технический университет;
Наумов Владимир Аркадьевич, д.техн.н., профессор, Калининградский государственный технический университет;
Пашута Ангелина Олеговна, д.экон.н., профессор, ГНУ НИИ ЭО АПК ЦЧР РФ;
Саликов Юрий Александрович, д.экон.н., профессор, Воронежский государственный университет инженерных технологий;
Станчин Иван Михайлович, д.экон.н., профессор, Воронежский экономико-правовой институт;
Широбоков Владимир Григорьевич, д.экон.н., профессор, Воронежский государственный аграрный университет.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ахмедов Ахмед Эдуардович, к.экон.н., доцент Воронежский экономико-правовой институт;
Баулина Оксана Александровна, к.экон.н., доцент, Волгоградский государственный технический университет;
Батенёва Наталья Владимировна, к.биол.н., доцент, Новосибирский государственный аграрный университет;
Батищев Александр Витальевич, к.экон.н., доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;
Клюев Сергей Васильевич, к.техн.н., доцент Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова;
Кузьменко Наталия Ивановна, к.геог.н., доцент, Воронежский экономико-правовой институт;
Гаврилов Сергей Тихонович, к.пед.н., доцент, Воронежский экономико-правовой институт;
Горбунова Янна Павловна, к.юрид.н., доцент, Воронежский экономико-правовой институт;
Жесткова Елена Александровна, к.филос.н., доцент, Арзамасский филиал ННГУ имени Н.И. Лобачевского;
Козачек Артемий Владимирович, к.пед.н., доцент, Тамбовский государственный технический университет;
Краснова Наталья Александровна, к.экон.н., доцент, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет;
Кустов Андрей Игоревич, к.ф.-м.н., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова;
Чемезов Сергей Александрович, к.мед.н., доцент Уральский государственный медицинский университет.

Содержание

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Т.П. Дюбкова-Жерносек
Пищевые предпочтения студентов с позиций риска сердечно-
сосудистых заболеваний, связанных с атеросклерозом..... 7

А.А. Ларина, А.В. Озерова
Профессиональная успешность как одно из направлений
профессиональной карьеры..... 14

**ЭКОНОМИКА, ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯМИ,
ОТРАСЛЯМИ, КОМПЛЕКСАМИ**

Н.В. Одиноченкова
Факторы устойчивого экономического развития
промышленных предприятий..... 22

Г.И. Яковлев
Развитие конкурентоспособности предприятий на основе
цифровых технологий..... 29

**СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И
СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

М.А. Атакулова
Личные местоимения в языках различного строя: своеобразие и
статус..... 35

О.Г. Твердохлеб
Причастные обороты, атрибутивно характеризующие
акватическую лексику, в поэтическом тексте Иосифа Бродского:
синтаксические модели..... 43

**ОХРАНА ПРИРОДЫ И ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА: НОВЫЕ РЕШЕНИЯ В
МЕДИЦИНЕ, БИОЛОГИИ И ЭКОЛОГИИ**

В.М. Баев
Снижение когнитивных функций у студентов при артериальной
гипотензии: пути решения проблемы..... 51

А.М. Зулпуев, К.Т. Темикеев, У.Б. Мамытов, А.А. Мещеряков Исследование совместной работы разнотипных вертикальных несущих конструкций многоэтажных зданий и сооружений с учетом податливости междуэтажных дисков перекрытий в своей плоскости.....	57
--	-----------

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Е.В. Булатов К вопросу об организационно-правовой форме унитарных юридических лиц.....	66
А.М. Хлус Уголовно-правовое и криминалистическое понимание объекта преступного посягательства при злоупотреблении властью или служебными полномочиями.....	73
Правила для авторов.....	79

Contents

MODERN PROBLEMS OF PROFESSIONAL EDUCATION

T.P. Dyubkova-Zhernosek

Food preferences of students from positions of risk for the development of atherosclerotic cardiovascular disease..... 7

A.A. Larina, A.V. Ozerova

Professional success as one of the areas of professional career..... 14

ECONOMICS, ORGANIZATION AND MANAGEMENT OF ENTERPRISES, BRANCHES, COMPLEXES

N.V. Odinochenkova

Factors of sustainable economic development of industrial enterprises..... 22

G.I. Yakovlev

The development of the competitiveness of enterprises on the basis of digital technologies..... 29

COMPARATIVE-HISTORICAL, TYPOLOGICAL AND COMPARATIVE LINGUISTICS

M.A. Atakulova

Personal pronouns in different language systems: originality and status..... 35

O.G. Tverdokhlebo

Participle, attribute characterizing aquatic language, in the poetic text of Joseph Brodsky: a syntax model..... 43

PROTECTION OF NATURE AND HUMAN HEALTH: NEW SOLUTIONS IN MEDICINE, BIOLOGY AND ECOLOGY

V.M. Baev

Decrease of cognitive functions in students with arterial hypotency: ways to solve the problem..... 51

A.M. Zulpuev, K.T. Temikeev, U.B. Mamytov, A.A. Mesheryakov

Research collaboration different types vertical bearing structural constructions of multi-floor buildings and structures with the supple allowance between the floors of over lappers in their plane... 57

LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS

E.V. Bulatov

On the issue of the organizational and legal form of unitary legal entities..... 66

A.M. Khlus

Criminal legal and criminalistics understanding of the object of criminal consumption in the abuse of personality or official authorities..... 73

Rules for authors 79

Современные проблемы профессионального образования

УДК 616.1

Т.П. Дюбкова-Жерносек

ПИЩЕВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СТУДЕНТОВ С ПОЗИЦИЙ РИСКА СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ, СВЯЗАННЫХ С АТЕРОСКЛЕРОЗОМ

Белорусский государственный университет

Аннотация: В статье анализируется структура питания 170 студентов университета в возрасте 17–18 лет по результатам анкетного опроса. Студенты употребляют недостаточное количество фруктов и овощей, морской рыбы, но часто используют в питании блюда быстрого приготовления (фастфуд) и другие продукты, богатые насыщенными жирными кислотами и трансизомерами жирных кислот. Алиментарная профилактика сердечно-сосудистых заболеваний, связанных с атеросклерозом, требует модификации пищевых привычек и коррекции рациона студентов.

Ключевые слова: сердечно-сосудистые заболевания, атеросклероз, факторы риска, питание студентов, фастфуд, модификация питания.

UDS 616.1

T.P. Dyubkova-Zhernosek

FOOD PREFERENCES OF STUDENTS FROM POSITIONS OF RISK FOR THE DEVELOPMENT OF ATHEROSCLEROTIC CARDIOVASCULAR DISEASE

Belarusian State University

Abstract: The nutrition structure of 170 students of university aged 17–18 years is analyzed in this article according to results an survey. Students eat inadequate amount of fruits and vegetables, sea fish, but often eat fast food and other saturated fatty acids and trans fatty acids rich food. Dietary prevention of atherosclerotic cardiovascular disease requires modification of eating habits and correction of students' ration.

Keywords: cardiovascular disease, atherosclerosis, risk factors, students' nutrition, fast food, food modification.

Сердечно-сосудистые заболевания лидируют среди основных причин смертности населения индустриально развитых стран мира, в том числе в трудоспособном возрасте. В настоящее время доказано, что атеросклероз коронарных и цереброваскулярных сосудов имеет истоки в детском и подростковом возрасте и, проходя ряд последовательных стадий, развивается на протяжении жизни человека в течение нескольких десятилетий под влиянием генетических и модифицируемых факторов риска [1, 2]. К числу модифицируемых факторов, имеющих непосредственное отношение к нарушениям липидного обмена, проявляющимся в виде атерогенных гипер- или дислипидемий, лежащих в основе развития атеросклероза и ассоциированных с ним сердечно-сосудистых заболеваний, относится несбалансированное по жирнокислотному составу, прежде всего, соотношению насыщенных и полиненасыщенных жирных кислот питание.

Цель работы – выявить пищевые предпочтения в структуре питания студентов в возрасте 17–18 лет и оценить их с точки зрения риска развития сердечно-сосудистых заболеваний, связанных с атеросклерозом.

Настоящая публикация является продолжением серии научных работ автора, посвященных изучению влияния поведенческих факторов риска на здоровье учащейся молодежи и разработке мер первичной профилактики заболеваний, ассоциированных с образом жизни.

Материал и методы. Исследование проводилось методом анонимного анкетного опроса студентов различных специальностей Белорусского государственного университета. Расчетный размер выборки составил 200 человек. Для ее формирования использован случайный бесповторный отбор респондентов. Обязательным условием исследования было добровольное информированное согласие респондентов. Они были ознакомлены с целью опроса и правилами заполнения анкеты. В структуру анкеты были включены вопросы, отражающие характер повседневного питания студентов. Оценивали частоту употребления продуктов, богатых насыщенными жирными кислотами и трансизомерами жирных кислот, а также частоту включения в рацион овощей и фруктов, жирной морской рыбы как источника ω -3 полиненасыщенных жирных кислот, обладающих протективным действием в отношении сердечно-сосудистых заболеваний атеросклеротического генеза. Из-за отсутствия в части случаев отклика (отказ от участия в опросе, отсутствие студента на момент исследования) фактический объем выборки составил 182 респондента. Анкеты, не соответствовавшие требованиям к заполнению, были исключены из выборочной совокупности (выбраковка составила 6,6 %). Общее количество анкет, пригодных для статистического анализа, составило 170 единиц. Средний возраст респондентов – $17,9 \pm 0,8$ лет. Девушек было 64,7 %, юношей – 35,3 %.

Статистическая обработка результатов проводилась методами вариационной статистики с использованием пакета прикладных программ Statistica (версия 6.0). Анализ соответствия распределения переменных закону нормального распределения осуществляли с использованием критерия Колмогорова – Смирнова. При уровне статистической значимости $p \leq 0,05$ распределение считали отличным от нормального. Полученные в ходе исследования данные представлены при нормальном распределении в виде средней и стандартного отклонения ($M \pm SD$). Меры центральной тенденции и рассеяния количественных признаков, не имеющих приближенно нормального распределения, описаны в виде медианы (Me), верхнего (UQ) и нижнего (LQ) квартилей – $Me [UQ; LQ]$. Частота признака представлена в виде процентов. Сравнительный анализ частот осуществляли с помощью критерия χ^2 Пирсона. Критическим уровнем значимости при проверке статистических гипотез считали $p \leq 0,05$.

Результаты и обсуждение. Согласно полученным данным, в рационе 67,0 % (77/115) студентов часто присутствуют продукты, богатые холестерином и насыщенными жирными кислотами (колбасные и другие мясные изделия промышленного производства, свинина, масло сливочное повышенной жирности (более 80 %), сыры твердые и

полутвердые с массовой долей жира в сухом веществе более 30 %, яйца куриные). В структуре ответов респондентов среди различных видов мяса чаще всего доминирует мясо птицы (51,4 %), на втором месте свинина (28,0 %), на третьем – мясо крупного рогатого скота (20,6 %). Доля студентов, предпочитающих коровье молоко с массовой долей жира 3,2–3,5 %, в два раза больше по сравнению с респондентами, употребляющими молоко пониженной жирности (1 %). Среди растительных масел, используемых студентами для приготовления пищи, лидирует подсолнечное масло – 59,8 % (101/169), за ним следует оливковое масло – 28,4 % (48/169). Лишь в единичных случаях (1/170, что составило 0,59 %) процесс приготовления пищи, прежде всего, жарка мяса осуществляется без использования жира.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что студенты университета 17–18-летнего возраста являются частыми посетителями кафе и иных заведений общественного питания с кухней «фастфуд», что согласуется с данными других исследователей [3]. Этому способствуют активная пропаганда быстрого питания среди молодежи, наличие программ лояльности к постоянным клиентам и специальных акций, привлекательная красочная реклама блюд в средствах массовой информации, на билбордах, в маршрутных такси. Подавляющее большинство (92,2 %) респондентов используют в питании высококалорийные блюда быстрого приготовления (гамбургеры, чизбургеры, пицца, картофель фри, наггетсы, сосиска в тесте и др.), содержащие консерванты и усилители вкуса, а также насыщенные жирные кислоты и трансизомеры жирных кислот промышленного производства. Существуют неоспоримые доказательства ассоциации последних с сердечно-сосудистыми заболеваниями атеросклеротического генеза. Установлено, что регулярное потребление трансжиров повышает риск ишемической болезни сердца в значительно большей степени, чем любой другой источник питания [4]. Учитывая актуальность проблемы заболеваемости и смертности от сердечно-сосудистых заболеваний в глобальном масштабе и приверженность учащейся молодежи к заведениям быстрого питания, необходимо повышать уровень медико-гигиенической культуры студентов о модифицируемых факторах риска данной патологии и роли атерогенного питания в ее развитии.

Частота употребления блюд быстрого приготовления студентами университета варьирует в различных пределах (рисунок 1). Почти половина респондентов включает их в рацион несколько раз в месяц, каждый пятый студент в возрасте 17–18 лет употребляет фастфуд еженедельно. Студенты-юноши чаще предпочитают блюда быстрого приготовления, чем девушки ($p = 0,023$). Обращает внимание тот факт, что среди студентов, употребляющих фастфуд каждую неделю, больше доля курящих по сравнению с некурящими ($p = 0,012$).

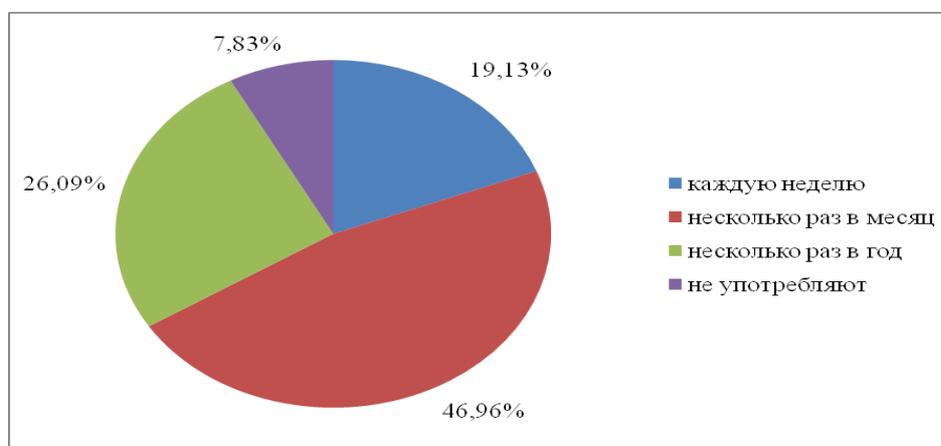

Рисунок 1 – Частота употребления студентами 17–18-летнего возраста блюд быстрого приготовления

Технология приготовления блюд быстрого приготовления предусматривает добавление в них соли в больших количествах. В настоящее время в международных и европейских документах по профилактике артериальной гипертензии и других сердечно-сосудистых заболеваний рекомендуется ограничение количества поваренной соли в рационе до 5 граммов в сутки [5]. По официальным данным, фактическое потребление соли во многих странах Европейского региона значительно превышает рекомендуемую норму и варьирует от 9 до 12 граммов в сутки. Режим недосаливания пищи признан предпочтительным по сравнению с избыточным потреблением соли для людей любого возраста независимо от наличия заболеваний. Правда, доказано, что уменьшение потребления соли до 5 граммов в сутки практически не влияет на уровень систолического артериального давления у здоровых людей либо это влияние минимальное (снижение на 1–2 мм рт. ст.). Но у пациентов с артериальной гипертензией отмечается отчетливый эффект снижения артериального давления по мере уменьшения количества потребляемой соли.

Установлено, что регулярное употребление блюд быстрого приготовления на фоне недостаточной физической активности является фактором риска избыточной массы тела и ожирения, артериальной гипертензии, метаболического синдрома и даже некоторых форм рака. На момент проведения исследования индекс массы тела у студентов 17–18-летнего возраста составил 20,4 кг/м² [18,9; 22,4]. Доказана тесная взаимосвязь между выраженностью атеросклеротического поражения артерий различных сосудистых регионов и уровнем артериального давления. Так, ультразвуковое исследование сонных артерий, брюшной аорты и ее непарных висцеральных ветвей, а также артерий нижних конечностей у пациентов в трудоспособном возрасте, страдающих артериальной гипертензией 2 степени, подтверждает наличие в них атеросклеротических бляшек в 98 % случаев [6].

Результаты опроса подтверждают тот факт, что пищевые предпочтения либо отказ от употребления определенных пищевых продуктов, прежде всего рыбы, овощей и фруктов нередко являются следствием сформированных еще в детском возрасте пищевых привычек и недостаточной осведомленности студентов в вопросах сбалансированного питания. Так, 87,7 % (149/170) юношей и девушек употребляют недостаточное количество фруктов и овощей. Содержащиеся в них клетчатка и пищевые волокна способны адсорбировать и выводить из организма холестерин липопротеинов низкой плотности, играющий ключевую роль в развитии атеросклероза. Суточная норма для взрослого человека составляет 600 г, или 5 штук фруктов (в том числе обязательно свежих) и овощей в любом виде (сырые, отварные, приготовленные на пару или тушеные). Для профилактики атеросклероза как ведущей причины коронарных и цереброваскулярных событий (инсульт, инфаркт миокарда, внезапная сердечная смерть) рекомендуется употреблять ежедневно не менее 400 г фруктов и овощей. Почти половина (48,2 %) студентов съедает менее 3 штук фруктов и овощей в день, 39,4 % (67/170) респондентов употребляют в течение дня в среднем 3–4 штуки и только у каждого восьмого студента в возрасте 17–18 лет в рационе содержатся 5 и более штук фруктов и овощей. Характерна также нерегулярность употребления фруктов и овощей (рисунок 2). Около половины (48,2 %) юношей и девушек употребляют фрукты, в том числе свежие, каждый день и только 31,8 % (54/170) студентов включают в рацион ежедневно овощи (кроме картофеля). Полученные данные согласуются с результатами исследований состояния здоровья и питания студентов российских университетов, проведенных другими авторами [7, 8].

Исследование жирнокислотного состава липидов жирной рыбы северных морей (тунец, сельдь, горбуша, сардины, форель, лосось, палтус и др.) продемонстрировало их высокую биологическую ценность и протективное действие содержащихся в них полиненасыщенных жирных кислот в отношении сердечно-сосудистых заболеваний,

ассоциированных с атеросклерозом. Согласно международным рекомендациям, пациентам с артериальной гипертензией показано включение в рацион морской рыбы не реже двух раз в неделю, в том числе не менее одного раза в неделю – жирной морской рыбы [5]. Доказано, что регулярное употребление морской рыбы 2–4 раза в неделю снижает риск развития коронарных и цереброваскулярных событий в среднем на 25–30 %. В российских официальных документах по профилактике сердечно-сосудистых заболеваний содержится рекомендация об обязательном включении в рацион детей и подростков жирной рыбы северных морей [1].

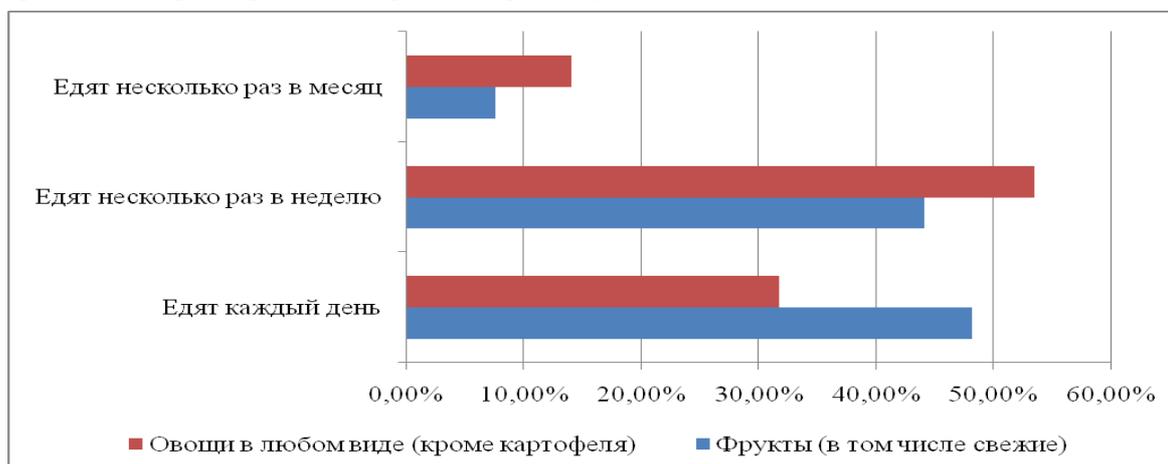

Рисунок 2 – Частота употребления студентами 17–18-летнего возраста фруктов и овощей (кроме картофеля) в любом виде

Вследствие недостаточной осведомленности и сформированных в детстве пищевых привычек студенты университета употребляют недостаточное количество морской рыбы (рисунок 3). Только 12,4 % (21/170) юношей и девушек используют рыбу в питании 2–3 раза в неделю, что соответствует рекомендуемым нормам потребления. Почти каждый четвертый студент включает морскую рыбу в рацион лишь несколько раз в год, а каждый десятый из числа опрошенных студентов университета 17–18-летнего возраста не употребляет морскую рыбу.

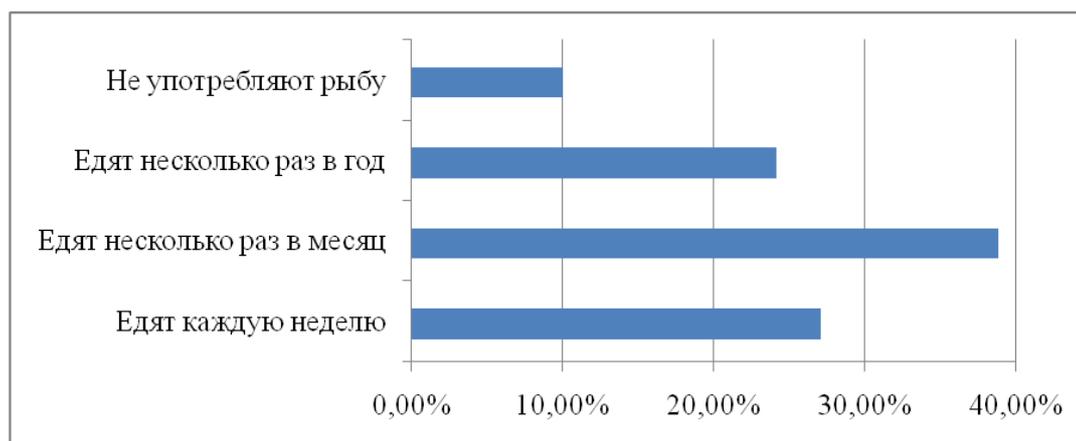

Рисунок 3 – Частота употребления студентами 17–18-летнего возраста морской рыбы

Обращает внимание тот факт, что студенты университета недостаточно используют в питании также растительные источники ω -3 полиненасыщенных жирных кислот, например, льняное масло и орехи. По данным Т.С. Морозкиной и соавт. (2002), ни одно растительное масло не может конкурировать с льняным маслом по содержанию ω -3 жирных кислот, которые не синтезируются тканями организма человека и являются

эссенциальными [9]. Однако 70,0 % (119/170) студентов университета в возрасте 17–18 лет утверждают, что никогда не пробовали это масло, а 28,2 % отмечают, что употребляют льняное масло крайне редко. Только каждый пятый респондент включает в рацион орехи (кедровые, лесные, грецкие, миндаль и др.) еженедельно. Более половины (62,4 %) студентов употребляют их несколько раз в месяц, а 12,9 % (22/170) юношей и девушек отмечают, что вообще не едят орехи.

Заключение. Анализ структуры питания студентов университета 17–18-летнего возраста выявил их недостаточную осведомленность в проблеме атерогенного питания как одного из основных модифицируемых факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний, связанных с развитием и прогрессированием атеросклероза. Недостаточная информированность в вопросах сбалансированного питания и наличие пищевых привычек, сформированных в детском или юношеском возрасте, обуславливают предпочтительный выбор студентами блюд быстрого приготовления (фастфуд) и других продуктов, богатых холестерином, насыщенными жирными кислотами и трансизомерами жирных кислот. Это способствует развитию дислипидемии с преобладанием в плазме крови липопротеинов низкой плотности, обладающих высокой атерогенностью. Алиментарная профилактика сердечно-сосудистых заболеваний, связанных с атеросклерозом, требует модификации пищевых привычек студентов и коррекции их рациона путем оптимизации жирнокислотного состава пищи с увеличением квоты полиненасыщенных жирных кислот, содержащихся в жирной морской рыбе, и уменьшением доли продуктов, богатых холестерином и насыщенными жирными кислотами, а также ежедневного употребления рекомендуемого количества овощей и фруктов.

Список литературы

1. Профилактика сердечно-сосудистых заболеваний в детском и подростковом возрасте : Российские рекомендации (2012) / А. А. Александров [и др.]. // Российский кардиологический журнал. 2012. – № 6 (98). – Приложение 1. – 40 с.
2. Sternby N.H. Pathobiological determinants of atherosclerosis in youth (PBDAY Study), 1986–96 / N. H. Sternby, J. E. Fernandez-Britto, P. Nordet // Bulletin of the World Health Organization. 1999. Vol. 77, Is. 3. P. 250–257.
3. Мартышенко, Н.С. Исследование проблем организации питания студентов университета: социально-экономические аспекты // Теоретическая и прикладная экономика. 2017. № 3. С.70–89.
4. Trans fatty acids and cardiovascular disease / D. Mozafarian [et al.] // N. Eng. J. Med. 2006. Vol. 354, No 15. P. 1601–1613.
5. 2013 ESH/ESC Guidelines for the management of arterial hypertension: the Task Force for the management of arterial hypertension of the European Society of Hypertension (ESH) and of the European Society of Cardiology (ESC) /G. Mancia [et al.] // J. Hypertens. 2013. Vol. 31, Issue 7. P. 1281–1357.
6. Щупакова А.Н., Подолинская Н.А., Прудников А.Р. Распространенность атеросклеротического поражения артерий различных сосудистых регионов при артериальной гипертензии// Артериальная гипертензия и профилактика сердечно-сосудистых заболеваний : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 18–19 мая 2017 г. // Кардиология в Беларуси. 2017. Т. 9. № 2. С. 242–243.
7. Медико-социальные аспекты состояния здоровья студентов / В.И. Горбунов [и др.] // Ульяновский медико-биологический журнал. 2014. № 1. С. 93–96.
8. Исследование культуры питания студентов вузов – одного из факторов формирования здоровья / О.П. Балыкова [и др.] // Интеграция образования. 2012. № 2. С. 56–59.

9. Морозкина Т.С., Мойсеёнок А.Г. Витамины: краткое рук-во для врачей и студентов мед., фармацевт. и биол. специальностей. – Минск: ООО «Асар», 2002. – 112 с.

Информация об авторе:

Дюбкова-Жерносек Татьяна Петровна,
Кандидат медицинских наук, доцент,
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь

Information about author:

Dyubkova-Zhernosek Tatiana Petrovna,
Candidate of Medical Sciences, Associate Professor,
Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus

А.А. Ларина, А.В. Озерова

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ УСПЕШНОСТЬ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРЬЕРЫ

Воронежский экономико-правовой институт

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема поиска эффективных форм работы по развитию профессиональных способностей будущих психологов, формирование их профессионального потенциала, подготовке применения их знаний, умений и навыков в будущей педагогической и профессиональной деятельности. Статья посвящена комплексному исследованию понимания понятия успеха личности, которое следует рассматривать как целостный конструкт, многоаспектный в своих проявлениях, состоящий из следующих составляющих: ответственного выбора как «мерила качества» успеха; процесс в постановке цели и поэтапного соблюдения определенной цели; ценностной насыщенности процесса реализации жизненных потребностей. В статье идет речь о повышении уровня теоретических и практических компетенций к инновационно-образовательной среде школы, которая предусматривает стойкость творческой готовности и личностно-индивидуального стиля. Исходя из этого, одной из важнейших задач учебно-воспитательного процесса в образовательной организации высшего образования является развитие исследовательский и творческих умений. В статье анализируется процесс формирования профессиональной успешности, который связан с выполнением определенных условий, наличием определенных профессиональных признаков и соответствующих психологических характеристик в отношении к своей профессиональной деятельности, к людям и к самому себе. Статья подводит некоторые итоги изучения формирования высокого уровня профессиональных притязаний, осуществляемый под влиянием субъективных переживаний успеха или неудач. Это означает, что профессиональная деятельность психолога требует постоянных эмоциональных затрат.

Ключевые слова: профессиональные способности, профессиональный потенциал, педагогическая и профессиональная деятельность, теоретические и практические компетенции, профессиональная успешность, профессионализм психолога, профессиональная успешность, профессиональная карьера.

UDC 378

A.A. Larina, A.V. Ozerova

**PROFESSIONAL SUCCESS AS ONE OF THE AREAS OF
PROFESSIONAL CAREER**

Voronezh Institute of Law and Economics

Abstract: the article deals with the problem of finding effective forms of work on the development of professional abilities of future psychologists, the formation of their professional potential, the preparation of the application of their knowledge and skills in the future teaching and professional activities. The article is devoted to the complex research of understanding of the concept of personal success, which should be considered as an integral construct, multi-aspect in its manifestations, consisting of the following components: the form of the choice as a "measure of quality" of success; the process of setting a goal and the gradual implementation of a specific goal; value saturation of the process of realization of life needs. The article deals with raising the level of theoretical and practical competencies to the innovative educational environment of the school, which provides for the stability of creative readiness and individual style. Based on this, one of the most important tasks of the educational process in the educational organization of higher education is the development of research and creative skills. The article analyzes the process of formation of professional success, which is associated with the implementation of certain conditions, the presence of certain professional characteristics and relevant psychological characteristics in relation to their professional activities, to people and to himself. The article summarizes some of the results of the study of the formation of a high level of professional claims, carried out under the influence of subjective experiences of success or failure. This means that the professional activity of a psychologist requires constant emotional costs.

Key words: professional abilities, professional potential, pedagogical and professional activity, theoretical and practical competences, professional success, professionalism of psychologist, professional success, professional career.

В современных условиях педагог-психолог должен обладать способностью к творческому мышлению и инновационной деятельности, самостоятельности и нестандартности решений профессиональных проблем, интеллектуальной компетентностью. Поэтому важнейшей задачей, вставшей перед образовательными организациями высшего образования, на сегодняшний день является поиск эффективных форм работы по развитию профессиональных способностей будущих психологов, формирование их профессионального потенциала, подготовке применения их знаний, умений и навыков в будущей педагогической и профессиональной деятельности. Будущий специалист в области психологии должен ориентироваться динамичном информационном и педагогическом пространстве, готов внедрять инновационные технологии, осуществлять интегративное обучение школьников. Такая профессиональная

подготовка должна быть важным компонентом профессионального становления будущих психологов.

В основе нашего исследования особое значение приобретают философско-методологические аспекты подготовки педагога - психолога к профессиональной деятельности (В.А. Андрущенко, И.Д. Зязюн, В.В. Краевский, М.Е. Сысоева и др.), основные позиции в психологии об особенностях педагогической деятельности психолога (Г.И. Балл, В.С. Лазорев и т.д.), особенности профессиональной подготовки будущего психолога в образовательных организациях высшего образования (Л.В. Абдалина, П.С. Гуревич, Г.Н. Филонов, В.И. Шахов и др.) [11].

В процессе подготовки будущих психологов необходимо обратить должное внимание на учет особенностей личности и качества личности человека, среди которых: направленность на самореализацию; желание достичь цели, когда профессиональная успешность становится смыслом жизни; самостоятельность и независимость мысли и суждений; открытость и искренность личности, ее аутентичность; оригинальность решения проблемы, инициативность и гибкость личности; вера в собственные силы и их адекватная оценка; высокий уровень самоанализа, рефлексии; открытость опыту, восприятию необычного, новому, оригинального в окружающей образовательной среде [9; 15].

Термин «профессиональная успешность» тесно связан с такими дефинициями, как «способности» и «карьера». Под способностями ученые понимают индивидуально-психологические особенности, отличающие одного человека от другого, имеющие отношение к успешности выполнения какой-либо деятельности. Понятие «способности» не сводится к выработанным у человека знаниям, умениям, навыкам (Б.Г. Ананьев, А.Г. Ковалев, В.Н. Мясищев, С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов) [9]. В процессе становления профессиональной карьеры, обучающиеся направления подготовки «Психология» должны почувствовать свободу самовыражения. Только при профессиональной свободе возможна эффективная организация процесса профессионального роста будущего специалиста, является своеобразным поиском своего пути, обретения собственного «голоса», собственного «почерка», собственного педагогического мастерства. Педагог, обладающий свободой самовыражения, умеет управлять собственным развитием, может направить свои творческие силы на поиск новых путей обучения и воспитания учащихся и построения своей профессиональной карьеры.

Профессионально-педагогическая подготовка будущего педагога – психолога имеет свои особенности и предусматривает двоякую цель: во-первых, развить творческие способности будущих специалистов и стимулировать их творческую самореализацию через поиск средств учебной, внеучебной, научно-исследовательской и самостоятельной работы. Во-вторых, вооружить будущих педагогов методами, приемами, технологиями развития потенциала школьников в процессе учебной и внеклассной работы [11; 16].

Одним из важнейших сторон модернизации профессиональной подготовки будущих специалистов в области психологии является повышение уровня теоретических и практических компетенций к инновационно-образовательной среде школы, которая предусматривает стойкость творческой готовности и личностно-индивидуального стиля. Исходя из этого, одной из важнейших задач учебно-воспитательного процесса в образовательной организации высшего образования является развитие исследовательский и творческих умений.

Феномен успеха не является новым понятием в психологии, однако на сегодняшний день не существует единого подхода не только к пониманию природы механизма достижения успешности, а также в подходе к определению объема и содержания соответствующего понятия. Характерной особенностью исследования проблемы успеха является то, что научные взгляды ограничиваются двумя тенденциями: внутренней (субъективно-ценностной) и внешней (объективно-поведенческой). Другими

словами – ценности, смысло-жизненные ориентиры рассматриваются как аксиопсихологическое ядро успеваемости. Внешне периферию ядра успеха составляют мотивационные, поведенческие конструкты, инструментальные ценности, типология выбора (в повседневной жизни), гедонистические ориентиры и др. Таким образом, комплексное понимание понятия успеха личности позволяет рассматривать его как целостный конструкт, многоаспектный в своих проявлениях, состоящий из следующих составляющих: 1) ответственного выбора как «мерило качества» успеха; 2) процесс в постановке цели и поэтапного соблюдения определенной цели; 3) ценностной насыщенности процесса реализации жизненных потребностей. Следовательно, указанные составляющие – это определенные маркеры, по которым можно отслеживать процесс достижения личностью определенного успеха. Исследователи (Ф. Хайдер, Г. Келли, Б. Вайнер) выделяют следующие показатели успеха: 1) настойчивость; 2) интернальность / экстернальность; 3) выбор адекватных задач; 4) энергичность, инициативность в работе [11].

Многовекторность осознанных и неосознанных потребностей, сопровождающая стремлением к успеху, не в последнюю очередь, связана с прошлыми возрастными этапами личности. Отмечается, что культурные нормы отдельной семьи служат основой для укоренения традиций, которые со временем превращаются в константы и ценности. В макромасштабах они формируют национальное представление о том или ином феномене. «У людей различных культур – разные обычаи, традиции и стереотипы поведения. Без анализа всех этих «внешних», совсем неэкзотических факторов вряд ли получится предсказать поведение личности [8]. Существует настоятельная потребность в исследовании психологических основ профессиональной успешности с точки зрения согласования личностных и общественных требований, профессионального и личностного развития преподавателей высшей школы, ведь достижения преподавателями профессиональной успешности является залогом качественной подготовки будущих специалистов.

Такие исследования требуют системного анализа наработок ученых с целью их дальнейшего переосмысления и создания современной концептуальной модели профессиональной успешности преподавателя высшего учебного заведения.

Анализ позволяет выделить направления научного исследования, способствующие разработке проблемы профессиональной успешности преподавателя высшего учебного заведения [17; 20].

Значительное место среди таких исследований занимает психологическое осмысление проблемы профессиональной деятельности (И.Д. Беха, А.И. Бондарчук, Н.Ю. Волянюк, А.Л. Журавлева, Л.М. Карамушка, Г.В. Ложкина, В.Г. Панка, С.А. Смирнова, Д. Фельдштейн и др.), в том числе готовности освоения новых областей знаний, личностного и профессионального развития [3].

Значительный научный интерес вызывают исследования психологии профессионализма, в частности: психология труда как общетеоретическая проблема (А.И. Бондарчук, Н.Ю. Волянюк, Г.В. Ложкин, М.П. Лукашевич, Н.С. Пряжников, В. Толочек и др.); психология карьеры и профессионального развития (Г.А. Балл, А.И. Бондарчук, А.А. Деркач, С.А. Дружилов, Э.Ф. Зеер, Л.М. Карамушка, Е.А. Климов, А.К. Маркова, Л.Н. Митина, Л.Г. Никифоров, Ю.П. Поваренков, Ю.Н. Швалб и др.); психологические аспекты профессиональной идентичности (Г.А. Балл, Н.Ю. Волянюк, Г.В. Ложкин и др.); самосовершенствования как психологическая проблема развития профессионализма (Г.А. Балл, Л.М. Карамушка, С.Д. Максименко, Т.М. Титаренко, Н.В. Чепелева и др.); другие аспекты (уровни, критерии, функции) профессиональной деятельности (Г.С. Батищев, С.А. Дружилов, Э.Ф. Зеер, Е.А. Климов и др.) [2].

Процесс формирования профессиональной успешности связан с выполнением определенных условий, наличием определенных профессиональных признаков и

соответствующих психологических характеристик в отношении к своей профессиональной деятельности, к людям и к самому себе.

Определение специфики профессиональной успешности требует проявления соответствующих условий. Условиями достижения профессиональной успешности преподавателя высшего учебного заведения можно считать определенные внешние и внутренние факторы, способствующие достижению определенных профессиональных результатов. Психологи обычно выделяют внешние и внутренние условия, связанные с реализацией профессиональной деятельности [2]. Внешние условия вытекают из самой сущности профессиональной деятельности, а затем включают цели и задачи деятельности, определенные стандарты и профессиональные требования, общественные запросы, корпоративную культуру и тому подобное. Внутренние условия целиком зависят от личности, отражают ее мотивационную, когнитивную и ценностную направленность.

Собственно, личность преподавателя является системообразующим фактором для обеспечения условий профессиональной научно-педагогической деятельности и достижения профессиональной успешности.

Следует заметить, что формирование внешних условий, в частности, целей профессиональной деятельности, связано с личностными устремлениями и надеждами, направленными на определенный результат, а также с системой профессиональных требований к преподавателю и системе общественных требований к данной профессиональной деятельности. При этом профессиональная успешность определяется уровнем реализованных поставленных целей, существенно влияет на уровень профессиональной самореализации преподавателя, позволяет ему самоидентифицироваться как профессионалу, и побуждает его к дальнейшему профессиональному развитию.

Для психологического анализа внешних условий профессиональной успешности преподавателя представляется целесообразной схема «человек - профессия - общество», предложенная А.С. Ермаевым [10]. Благодаря выявлению указанных взаимодействий можно понять общественную и личностную значимость преподавательской деятельности, изучив ожидания и требования социума (качество предоставляемых социальных услуг); профессионального сообщества (уровень выполнения профессиональных функций); субъекта профессиональной деятельности (перевод социальных и профессиональных требований психологической структуры профессиональной деятельности конкретной личности как средства самореализации, самоуважения, социального признания и т.п.). Сегодня психологическая наука оперирует многочисленными теориями и концепциями мотивации: бихевиоризм, когнитивная психология, развитие динамических теорий. Мотивации служат весомым методологическим основанием для изучения психологических особенностей профессиональной успешности.

Вместе с тем, важны концепции мотивации достижения или мотивации успеха - личностные теории мотивации: теория самоактуализации (А.Г. Маслоу, К.К. Роджерс и др.) [3]; концепция функциональной автономии мотивов; теория волевой регуляции, самооэффективности (А.Н. Бандура, Ж. Нюттен, Х.Р. Хекхаузен) [4]; теория внутренней мотивации и самодетерминации (Р. Райан и др.) [5].

Мотивация достижения по своей сути направлена на качественное выполнение профессиональных функций, результативность и, в конце концов, на профессиональную успешность. Наибольшее значение мотивация достижения приобретает при изучении успешности в сферах деятельности, ориентированных на результат (в частности, педагогическая и научная деятельность). По Х.Р. Хекхаузену, такая деятельность: 1) должно быть результативной; 2) должна оцениваться качественно или количественно; 3) требования к оцениваемой деятельности должны быть адекватными, то есть деятельность не обязательно будет успешной, но потребует определенных физических и

духовных сил; 4) для оценки результатов такой деятельности должна существовать определенная сравнительная шкала и определенный нормативный уровень, который считается общепризнанным; 5) деятельность должна быть желанной, а ее результат – собственным результатом субъекта деятельности [7].

Целесообразно подчеркнуть важность каждого компонента мотивации для достижения профессиональной успешности преподавателя [18]. Когнитивный компонент мотивации опосредует влияние внешних условий (требований к научно-педагогической деятельности), обуславливая своеобразие активности преподавателя, что увеличивает вероятность его профессиональной успешности.

Формирование высокого уровня профессиональных притязаний осуществляется под влиянием субъективных переживаний успеха или неудач. Это означает, что профессиональная деятельность преподавателя требует постоянных эмоциональных затрат. Для успешного выполнения преподавательской деятельности важным является умение распределять эмоциональные нагрузки.

Необходима эмоциональная устойчивость - функциональное, динамичное, интегративное свойство, обеспечивающее успешное достижение цели деятельности в сложной эмоциогенной ситуации, которое позволяет гибко реагировать на нее (ситуацию) с сохранением внутреннего эмоционального баланса [11]. В противном случае на преподавателя подстерегает опасность синдрома «профессионального выгорания», возникающее в результате накопления негативных эмоций без соответствующего «освобождения» от них. Таким образом, эмоциональный компонент мотивации служит предпосылкой профессиональной успешности преподавателя.

Итак, мотивация является одновременно и внутренним условием, и основой, и фактором достижения профессиональной успешности, однако, сама мотивация еще не гарантирует успеха профессиональной деятельности преподавателя. С мотивацией личности нужно приобрести профессионально важные качества, компетенции, опыт, задействовать все индивидуальные ресурсы, реализация которых позволит выйти на уровень профессиональной успешности. В данном контексте профессиональную успешность следует рассматривать как интегральную систему полученных и сформированных личностных качеств.

Отсюда, профессиональная успешность - это структурное и функциональное единство психологических условий, факторов и показателей, направленных на достижение и определение результатов профессиональной деятельности; процесс согласования социальных, профессиональных требований к личностным целям, потребностям и ценностям с целью формирования эффективной системы психологических стимулов для совершенствования педагогической и научной деятельности преподавателя высшего учебного заведения.

Условиями достижения профессиональной успешности преподавателя высшего учебного заведения можно считать определенные внешние (цели и задачи профессиональной деятельности, система профессиональных требований, общественные запросы, корпоративная культура) и внутренние (потребности, мотивация, уровень притязаний, способности и т.д.) факторы, способствующие достижению определенных профессиональных результатов [19].

Психологическая структура профессиональной успешности преподавателя высшего учебного заведения требует уточнения, поэтому дальнейшие исследования будут нацелены на углубленный анализ и выяснение системы составляющих профессиональной успешности преподавателя высшего учебного заведения.

Список литературы

1. Абульханова К.А. Сознание как жизненная способность личности // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 32–41.

2. Адольф В.А. Инновационная деятельность педагога в процессе его профессионального становления. Монография - Красноярск: 2013. С. 145.
3. Деркач А. А. Акмеологическая культура личности: содержание, закономерности, механизмы развития. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2006. С. 205-326.
4. Ефремова Н. Ф. Компетенции в образовании. Формирование и оценивание. - М.: Национальное образование, 2015. С. 148-152.
5. Леньков С.Л. Основания и принципы интегративно- типологического подхода к сопровождению профессионального самоопределения // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2015. № 1. С. 140–155.
6. Леонтьев Д.А. Профессиональное самоопределение как построение образов возможного будущего. // Вопр. психологии. 2001. № 1. С. 57 - 66.
7. Писарева С.А. Система обеспечения подготовки кадров высшей квалификации. // Человек и образование. 2010. № 4. С. 35–38.
8. Поляков А. В. Проблема социально-психологической адаптации преподавателей вузов к современной системе образования. // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2010. Т. 13. Вып. 1. С. 99–102.
9. Рубцова Н.Е. Интегративно-типологический подход к психологической классификации профессиональной деятельности: дис. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 2014. С. 389-489.
10. Тряпицына А.П. Подготовка педагогических кадров и задачи современной школы. // Вестник Герценовского университета. 2010. № 11. С. 16–18.
11. Хохлова О.А. Формирование профессиональной компетентности педагогов. // Справочник старшего воспитателя 2014. №3. С.4.
12. Chakraborty A. The concept of man and its significance in contemporary philosophy // Bull, of the Ramakrishna mission Inst, of culture. -Calcutta, 2003. Vol. 54. N 9. P. 400-403.
13. Malpas J. The dualities of work : Self-consumption and self-creation // Philosophy today. - Chicago, 2005. Vol. 49. N 3. P. 256-263.
14. Mills C. The child's right to an open future? // J. of social philosophy. - Maiden (MA), 2003. Vol. 34. N 4. P. 499-509.
15. Берман Н.Д. Информационная культура как основа профессиональной деятельности // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2017. Т. 8. № 6-2. С. 354-358.
16. Довбыш С.Е. Индивидуальная траектория профессионального роста педагога: постановка проблемы // Управление образованием: теория и практика. 2018. № 2 (30). С. 5-10.
17. Зверева И.А., Жданкина И.Ю. Состояние рынка образовательных услуг на региональном уровне: основные тенденции и показатели развития // Вестник НГИЭИ. 2016. № 1 (56). С. 55-64.
18. Кулагина О.В., Енина К.И. Формирование маркетинговой концепции рынка образовательных услуг в высших учебных заведениях // Вестник НГИЭИ. 2016. № 1 (56). С. 65-72.
19. Сорокоумова Г.В. Теоретические подходы к развитию профессионализма педагога // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 3. С. 175-187.
20. Щербакова Т.Н., Щербакова Е.В. Имиджология для современного педагога. - Москва, 2012. – 192 с.

Информация об авторах:

Ларина Аэлита Александровна,
кандидат психологических наук, доцент,
Воронежский экономико-правовой институт,
г. Воронеж, Россия

Озерова Анжелика Валерьевна,
кандидат педагогических наук, доцент,
Воронежский экономико-правовой институт,
г. Воронеж, Россия

Information about authors:

Larina Aelita Aleksandrovna,
Candidate of Psychological Sciences, Associate
Professor, Voronezh Institute of Economics and Law,
Voronezh, Russia

Ozerova Anzhelika Valeryevna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Voronezh Institute of Economics and Law, Voronezh,
Russia

Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами

УДК 338.1

Н.В. Одиноченкова

ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Брянский государственный технический университет

Аннотация: рассмотрены проблемы функционирования и развития предприятий в условиях современных экономических вызовов и тенденций. Показана по отношению к стратегическому развитию необходимость моделирования производств на основе современных технологий, позволяющих оперативно адаптироваться к изменениям внешнего окружения. В качестве поддерживающих это инструментов рассмотрены подходы, обеспечивающие качество разработки и реализации стратегических плановых и программных проектов развития. Предлагается метод упорядочения механизма распределения добавленной стоимости и дотирования предприятий в зависимости от достигнутого уровня рентабельности и обеспечения тем капитализации собственных средств для развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие, планы, программы развития, добавленная стоимость.

UDC 338.1

N.V. Odinochenkova

FACTORS OF SUSTAINABLE ECONOMIC DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL ENTERPRISES

Bryansk State Technical University

Abstract: the article considers the problems of functioning and development of enterprises in the conditions of modern economic challenges and trends. Shown in relation to the strategic development of the need for modeling production based on modern technologies, allowing to quickly adapt to changes in the external environment. As the supporting it tools examines the approaches that

ensure the quality of design and implementation of a planned and software development projects. Offers a method of organizing mechanism for the distribution of added value and benefits of enterprises depending on the achieved level of profitability and ensure the capitalization of own funds for development.

Key words: sustainable development, plans, development programs, value added.

Как показывает практика, для предприятий промышленности остается проблема обеспечения финансово-экономической устойчивости. Поэтому предприятия находятся в постоянном поиске средств и методов ее обеспечения. Важнейшим здесь является использование прогрессивных управленческих технологий, способных решить не только задачи сиюминутного достижения прибыли, но и задачи, отвечающие требованиям долгосрочного стратегического развития с учетом условий кризисных состояний и необходимости замены импортной продукции на отечественную. Это предполагает усиление деятельности предприятий в направлении долгосрочной перспективы путем установления динамического баланса ее с окружающей средой и своевременного реагирования на новые запросы рынка и происходящие в нем изменения.

Если взять, к примеру, товаропроизводителей, то стратегическое развитие предприятий России получило заметные сдвиги после девальвации 1988 года, когда потребовалось импортозамещение. Оно сопровождалось вводом в оборот новых производственных мощностей. Это, в частности, показало, что для развития экономики требуется моделирование производств, предусматривающих инжиринговые и реинжиринговые преобразования, включающие, в первом случае, значительные нововведения, во втором, требующие большой или даже полной замены элементов предпринимательства.

Таким образом, для развития необходимы не простые преобразования материально-технической базы предприятий, а те, которые позволят значительно оптимизировать их деятельность. Основными целями таких преобразований называются:

- улучшение кооперации и интеграции производства, обеспечивающего эффективные взаимные экономические интересы по линии сельхозпроизводители – товаропроизводители – товаропотребители с учетом того, что широкое развитие получил крупносетевой рынок в сфере торговли;
- уход российских производителей от негативных воздействий зарубежной продуктовой экспансии на внутреннем рынке;
- активное участие в реализации федеральных и региональных научно-технических программ;
- применение современных технологий и создание на их основе адаптивных к рыночным изменениям, а также ресурсосберегающих и безотходных производств.

В связи с реализацией этих мер объективно возникает проблема формирования соответствующего управления, а, следовательно, планирования, определяющего требуемое поведение управляемого объекта в соответствии с главной стратегией развития и возможностями использования преимуществ, заложенных в рыночной экономике.

Существует два взгляда на понимание стратегии в том отношении, как она должна обеспечить достижение определенного результата через длительный (стратегический) промежуток времени. Один взгляд таков, что стратегия должна быть направлена на получение заданного конечного состояния, которое будет достигнуто в результате реализации конкретного долгосрочного плана. Однако здесь существует

угроза, что управление не сможет обеспечить те условия, при которых это конечное состояние изначально определялось. В рыночной высоко динамичной среде шанс сделать это не велик, он и не эффективен. Скорость изменения рыночной среды и происходящих в ней процессов порождает все новые и новые возможности, которые в этих изменениях и процессах постоянно заключены, и предприятия должны их использовать. Поэтому существует и другой взгляд на понимание стратегии, определяющий, что должно быть создано такое управление и его стратегия развития, которые указывали бы направления развития предприятий в сторону получения конечного их состояния, но при свободе выбора, как действовать в зависимости от складывающихся ситуаций. В этом, безусловно, заложен большой ресурс развития эффективного использования средств и методов в его процессах. Однако, противопоставлять эти две стратегии и их планирование, как показывает практика, нерационально. Они могут успешно дополнять друг друга.

С понятием об абсолютной несовместимости планирования с рыночной экономикой не согласны многие специалисты. Дж. К. Гэлбрейт пишет, что такое понятие искажает саму суть планирования как явления, отражающего не интересы планирования как такового, а общественные интересы.

Практика показывает недостаточную эффективность одного директивного планирования, включающего множество жестко заданных и расчетных показателей, тем представляющего собой систему, трудно реагирующую на изменения, происходящие во внешней среде. Теперь эта проблема во многом может решаться планированием, строящемся не на достижениях прошлого, как в основном делалось раньше, а на анализе будущего, оцениваемого потребительским спросом. В решении задач с показателями деятельности предприятий, налаживания процессов регулирования, саморегулирования и согласования их действий используется метод индикативного планирования. Это планирование оперирует не директивными показателями, а показателями, имеющими информационно-ориентированное или мотивационное значение. Формируется оно под воздействием ситуационных переменных на основе творческого поиска моделей развития. Отсюда ускоряется переход от жестко запрограммированных производственно-целевых к гибким процессам, своевременно реагирующим на удовлетворение возрастающих и новых потребностей людей. По мнению некоторых авторов, индикативное планирование выступает совокупностью согласования процессов макро-, мезо- и микропланирования при включении в мезоуровень отраслевого и территориального планирования [1, 2]. Такой многоуровневый характер планирования ставит вопрос о нахождении рационального сочетания в нем ролей каждого из уровней. По мнению некоторых авторов, центром создания плановой многоуровневой системы является макропланирование, формируемое на основе микропланирования [3]. Мнение других авторов заключается в том, что на макроуровне, т.е. со стороны государства, должно быть планирование только по приоритетным направлениям развития. С производственной точки зрения, государственное планирование, должно обеспечить рост конкуренции приоритетных производств до момента, когда те выйдут на самостоятельное расширенное воспроизводство в масштабах мирового рынка [4]. Основываясь на опыте развития индикативного планирования в других странах, отдельные авторы оставляют для государства только прогнозную функцию, а отсюда соответствующие этой функции ориентиры планирования [5, 6]. Существует и такое мнение, что, в общем, государство должно иметь столько различных средств экономического развития, сколько у него целей и не более [2].

Возможны и другие взгляды на проблему. Однако, общим в них является идея выстраивания системы планирования, в которой индикаторы государственной политики развития могли бы реально ориентировать деятельность хозяйствующих

субъектов. Такая система планирования способствует устранению диспропорций развития по отраслям, предприятиям, ситуациям, возникающим по дефициту отдельных видов товаров, и выстраиванию экономических процессов в нужных направлениях. В этой связи в управлении повышается применяемость программно-целевого планирования. В основном, исходя из целей макроуровня, целевые программы развития комплексов и предприятий призваны решать задачу реализации трёх основных функций [7]: 1) определение потребностей и целей развития; 2) регулирование темпов роста пропорций в развитии и структурных сдвигов в производстве; 3) планомерное распределение и эффективное использование всех ресурсов. Само формирование целевых программ включает постановку целей, отражающих потребности людей, установление соответствующих средств их достижения и решение вопроса об организационно структурном построении механизма управления программой [8].

Стратегическое управление целевыми программами должно быть подкреплено тактическим и оперативным управлением. Тактическое управление позволяет направлять и контролировать выполнение программ по отдельным среднесрочным периодам их осуществления. Оперативное управление, преследуя цель достижения текущих результатов, позволяет осуществлять контроль за их достижением. Практика показывает, что эффективным в этом является бюджетное управление, т.е. управление, оперативно контролирующее с помощью разработанных по программам бюджетов, выполнение текущих показателей. Стандартной структуры совокупности бюджетов нет. Она зависит от конкретных финансово-экономических состояний предприятия, представляя его бюджетную модель. Например, модель может состоять из следующей структурированной совокупности бюджетов: бюджет реализации (продаж) – бюджет производства (товарооборота) – бюджет общепроизводственных расходов – бюджет себестоимости продукции – бюджет коммерческих расходов – бюджет управленческих расходов – бюджет доходов и расходов – бюджет движения денежных средств.

Таким образом, используя современные правила функционирования и развития предприятий, можно создать стройную систему программно-планового их обеспечения, оперативно и эффективно противостоящую внутренним и внешним для предприятий уязвимостям. Это позволяет успешно решать задачу адаптации к рыночным условиям, контроля и своевременного принятия мер по возникающим отклонениям в течение осуществления экономических процессов, синхронизации текущей производственной деятельности с деятельностью, связанной с развитием, выработки системы принципов, на которых развитие должно строиться. К таким принципам можно отнести следующие:

- определение направлений оптимального развития путем отбора его приоритетов и сосредоточения на них достаточного, распределяемого во времени ресурса;
- достижение рационального сочетания средств, идущих на текущее производство и развитие;
- адаптация внутренней среды к внешним изменениям, предполагающая внесение корректировок по ходу проектов развития;
- последовательность нарастающего устойчивого экономического роста, предусматривающего достижение в каждом этапе развития результата, выше полученного в предыдущем этапе, используемого в качестве базового;
- стабильность устойчивого развития, обеспеченная постоянством соблюдения принципа последовательности нарастающего устойчивого экономического роста;
- синергетическая эффективность, предусматривающая получение суммарного результата от совместно задействованных в процессе развития факторов с использованием каждого из них с наибольшим эффектом;

- достаточность информационного обеспечения, достигаемая количеством и качеством информации, необходимой для целей планирования и применения в качестве справочной и регламентирующей ход исполнения проектов развития.

Важнейшим для промышленных предприятий и, прежде всего, для стабилизации их работы является финансирование. Так, для товаропроизводителей оно осуществляется за счет средств федерального, регионального и местного бюджетов, а также полученной ими прибыли. Бюджетное финансирование в основном осуществляется в виде бюджетного дотирования предприятий. Дотирование зависит от натуральных показателей, что многими специалистами не одобряется, так как, по их мнению, такие дотации порождают иждивенческие настроения, не оказывают стимулирующего эффекта и «растворяются» без следа в общем объеме расходов получателей [9]. Поэтому актуальной задачей, считают они, является повышение рентабельности деятельности производителей и установление в зависимости от нее дотирования из бюджетов по формуле: чем выше рентабельность, тем больше величина дотаций. Это должно стимулировать деятельность и осуществлять для развития капитализацию собственных средств. Способствовать решению этой задачи может некоторое упорядочение механизма налогообложения предприятий.

Основным ресурсом решения проблемы развития предприятий является получаемая ими добавленная стоимость. Однако, только часть добавленной стоимости, получаемой предприятиями от их продукта в виде чистой прибыли, остается у них. Другая существенная часть в качестве налоговых отчислений идет государству. Эта другая часть используется государством на общесоциальное развитие. Часть чистой прибыли, остающейся у предприятий, идет на их развитие. Однако в распределении добавленной стоимости между государством и предприятиями существует противоречие, влияющее на их развитие. С одной стороны, заботясь об общем социальном прогрессе, государство заинтересовано в получении из добавленной стоимости максимально возможной части денежных средств. С другой стороны, увеличение части государства в добавленной стоимости может снизить возможности развития предприятий. Увеличение части государства из добавленной стоимости, иначе налогового бремени, может происходить, например, посредством увеличения государством изымаемой по установленной ставке налога «своей» части добавленной стоимости. Следовательно, соответственно этому уменьшается в ней часть доли предприятий и, как следствие, уменьшается величина их чистой прибыли, являющаяся основным ресурсом, идущим на развитие. Такие складывающиеся между государством и предприятиями отношения по поводу распределения добавленной стоимости можно представить в следующем формализованном виде:

$$D_g \rightarrow D_g \max, \text{ следовательно, } D_c \rightarrow D_c \min, \text{ при } D_c = \text{const} \quad (1)$$

То есть, когда часть государства в добавленной стоимости D_g будет стремиться к максимальному росту $D_g \max$, то часть прибыли предприятий D_c будет уменьшаться до $D_c \min$. И нет гарантии того, что такое не может происходить часто, ибо государство получает свою часть добавленной стоимости в зависимости от устанавливаемого им же налогового бремени, исходя при этом из своих интересов. Причину, чтобы увеличить налоговое бремя, государство может обосновать.

Согласно теории А. Лаффера, существует функциональная зависимость между доходами и величиной налогового бремени. Эта зависимость описывается параболой с точкой ее максимума, после которой всякий рост доходов прекращается и дальше идет только их снижение, и отсюда, по существу, прекращается развитие предприятий за счет собственных средств [10].

Поэтому стремление государства получить как можно большие средства для развития общесоциальной функции и принятие с этих позиций решения об увеличении

налогового бремя, оцененное, возможно им как эффективное, может быть совершенно неэффективным для предприятий.

Макроэкономическая теория указывает на то, что решение данной проблемы лежит в плоскости нахождения оптимального сочетания потребностей государства и предприятий [11]. То есть желательно установление равновыгодного положения в отношениях между ними, как это делается, например, между банками как кредитодателями и предприятиями как кредитополучателями [12]. Такого положения можно добиться путем моделирования равновыгодных для них взаимоотношений, т.е. построением их не способом административного волевого воздействия при установлении величины налогового бремя, а на основе реально достигнутого уровня социально-экономического развития общества.

Одним из показателей достижения такого равноудовлетворяющего стороны баланса выгод может стать результат реализации общесоциальной функции, не ведущей к снижению или сдерживанию развития предприятий, от которого зависят все другие виды развития. Концептуально баланс удовлетворенных потребностей государства и предприятий от процессов развития можно выразить в виде экономико-математической модели следующего вида:

$$PC\Phi_2 \text{ соответствует } ИИРСх \text{ при } ИИР^oсх \geq ИИР^бсх \quad (2),$$

где $PC\Phi_2$ – результат реализации государством социальной функции;

$ИИРСх$ – результат, полученный предприятиями от их деятельности и процессов развития;

$ИИР^oсх$, $ИИР^бсх$ – соответственно ожидаемый и достигнутый в базовом периоде инновационный результат предприятия.

Действие модели баланса удовлетворения потребностей и развития способствует распределению добавленной стоимости, первое, с учетом развития предприятий и общесоциального развития, второе, с выделением приоритетных направлений развития, третье, с достижением сбалансированности ресурса, идущего на отдельные виды развития по величине и срокам реализации. Выделение приоритетных направлений означает то, что при определенных экономических условиях создается возможность направлять больший ресурс для общесоциального развития без ущерба для развития предприятий или при потребности активизировать их развитие, увеличивать их ресурсное обеспечение. Значительно оптимизировать эти процессы может ориентирование предприятий на обеспечение качества жизни, т.к. в саму сущность качества закладывается смысл постоянного дополнения к достигнутому результату нового. Важно то, что в этом результате кроме экономических необходимо учитывать социальные компоненты, как: 1 – степень удовлетворения научно обоснованных потребностей и интересов людей; 2 – степень удовлетворённости людей своей жизнеобеспеченностью [13, 14]. То есть, должны учитываться показатели качества жизни, отражающие не просто человеческие ценности, а те, которые обоснованы, и, в общем, по оценке самих людей, приносят им удовлетворенность.

В целом, все вышеизложенное показывает, что теория практики содержит современные инструменты организации оптимальных производств, их планирования, финансирования, позволяющие создавать в соответствии с новыми вызовами и тенденциями условия эффективного функционирования и устойчивого развития предприятий.

Список литературы

1. Любимцев Ю.Н., Дудкин В.Е. Финансовые истоки как объект индивидуального планирования и регулирования // Российский экономический журнал. 1998. № 3.

2. Петров А.Н. Индивидуальное планирование. – М.: Знание, 2000.
3. Алексеев М.М. Планирование деятельности фирмы.– М.: Финансы и статистика, 2000.
4. Глазьев С.Ю. Экономическая теория технического развития. – М.: Наука, 1990.
5. Евграшин А. Из практики французского индикативного планирования// Российский экономический журнал. 1998. №2.
6. Ильина Р. Об индикативном (рекомендательном) планировании в капиталистических странах // Плановое хозяйство. 1990. № 11.
7. Жарковский Г.М. Программно – целевое развитие крупных хозяйственных комплексов. – М.: Знание, 1984.
8. Богатко А.Н. Система управления развитием предприятия (СУРП). – М.: Финансы и статистика, 2001.
9. Саранина Е.В. Совершенствование механизма финансирования предприятий АПК на примере Пермской области // Экономика и производство. 2004. № 2.
10. Экономическая теория / под ред. В.Д. Камаева. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2006.
11. Современная экономика / под ред. О.Ю. Мамедова. – Ростов н/Д: «Феникс», 1988.
12. Гурьев В.И. Основы социальной статистики: методы, система показателей, анализ. – М.: Финансы и статистика, 1991.
13. Одиноченков В.В., Грачева Н.В. Организационно-экономическое построение управления инновационными процессами на промышленном предприятии по целевым программам // Вестник Брянского государственного университета. 2008. № 3. С. 45-49.
14. Грачева Н.В., Одиноченков В.В. Совершенствование организационного построения управления инновационными процессами на промышленных предприятиях в условиях рынка // Вестник Брянского государственного технического университета. 2004. № 3. С. 151-154.
15. Одиноченков В.В., Грачева Н.В. Инновационный ресурс решения проблемы повышения качества жизни // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 4. С. 206-209.

Информация об авторах:

Одиноченкова Наталья Викторовна,
доктор экономических наук, доцент,
Брянский государственный технический
университет, г. Брянск, Россия

Information about authors:

Odinochenkova Natalya Viktorovna,
Doctor of Economics, Associate Professor, Bryansk
State Technical University,
Bryansk, Russia

УДК 339.138

Г.И. Яковлев

РАЗВИТИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ НА ОСНОВЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Самарский государственный экономический университет

Аннотация: В настоящее время перед лицом менеджеров всех компаний во всем мире встают беспрецедентные вызовы обеспечения фирменной конкурентоспособности, вызванные бурным развитием «подрывных» технологий, основанных на тотальной цифровизации деятельности социума и производства. Также и перед российскими предприятиями, в основной своей массе ранее пропустивших несколько циклов модернизации, для обеспечения конкурентоспособности необходимо применять новые методы организации производства продукции, услуг, основанные на достижениях четвертой промышленной революции, включая широкую роботизацию массового производства, облачные технологии, интернет вещей и т.п. На первом этапе требуется восстановление на новой технологической основе индустриального сектора экономики, чтобы затем для повышения конкурентоспособности внедрять в нем цифровые технологии.

Ключевые слова: конкурентоспособность предприятий, цифровые технологии, циклы модернизации, финтех.

UDC 339.138

G.I. Yakovlev

THE DEVELOPMENT OF THE COMPETITIVENESS OF ENTERPRISES ON THE BASIS OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Samara state University of Economics

Abstract: At present, the managers of all companies around the world face unprecedented challenges to corporate competitiveness, caused by the rapid development of "disruptive" technologies based on the total digitalization of society and production. Also to the Russian companies, the bulk of previously missed several cycles of modernization to ensure the competitiveness, it is necessary to apply new methods of organization of production and services based on the achievements of the fourth industrial revolution, including the robotics of mass production, cloud computing, Internet of things, etc. In the first stage of restoration required based on new technology of the industrial sector of the

economy in order to improve the competitiveness introduce in this digital technology.

Keywords: competitiveness of enterprises, digital technologies, modernization cycles, fintech.

Современное общественное развитие в целом, не исключая экономики, во всем мире связывается с цифровыми технологиями. Именно они определяются как "большие вызовы" в отношении дальнейшего развития национальных производительных сил, и чтобы продолжать оставаться конкурентоспособным в постиндустриальную эпоху, национальным экономикам стало остро необходимо соответствовать новейшим достижениям "подрывных" технологических инноваций (англ. наз. Destruction technologies) в терминологии инноватики Й. Шумпетера [1]. Для фирм всех стран вновь зарождающиеся сверхэффективные технологии, которые основываются преимущественно на принципах проектного инвестирования с применением цифровых платформ, вместе с подрывом традиционно реализованных способов выпуска традиционной продукции оказались способны придать импульс ускоренного подъема производительности активов национальных экономик при условии готовности к переменам.

В условиях исчерпания прежних парадигм развития, оскудения масштабных инвестиционно-инновационных драйверов в отечественной экономике требуется новая волна подъема, которую представители элиты инстинктивно представляют в виде цифровизации. Хотя и была оперативно сверстана и утверждена соответствующая госпрограмма, однако она оказалась не обеспечена никаким финансированием и в своих целевых приоритетах вообще обошла реальное промышленное производство [2]. Несмотря на всю очевидную ангажированность данной темы, обществу надо с всей трезвостью осознать, что цифровизация - это процедура обеспечивающая. Неслучайно авторы журнала «Эксперт» отмечают, что это псевдорешение, по смыслу: *как* делать, но не *что* делать. Как делать — вопрос бесспорно вторичный. Сегодня ни одно производство, ни один процесс не обходятся без того или иного участия, хотя бы опосредованного, информационно-коммуникационных инструментов и технологий. На данном этапе многое зависит правительства, и вместе с указаниями о необходимости цифровой мобилизации, надо правильно ее организовать, инфраструктурно обеспечивать, финансировать и направлять [3].

Дигитализация способна кардинально менять положение человека в окружающей его среде, даже воздействовать на духовный мир, сознание, социальные взаимосвязи, вовлеченность в воспроизводственные процессы, отношения собственности и т.д. Как определяют Шевченко К.В. и Корсукова Н.Д., Blockchain – это невиданный ранее эффективный способ хранения данных в цифровой форме, представляющий собой реестр транзакций и сделок, информация о которых может храниться на любом из компьютеров всемирной паутины, и в режиме реального времени обеспечивать доступ любому пользователю интернета [4]. Однако очевидны существенные противоречия в использовании новой технологии, так как вместе с информационной прозрачностью участия человека в обменных взаимоотношениях возрастают риски, уязвимости для безопасности, которыми могут воспользоваться злоумышленники, лишая граждан их собственности, сбережений, репутации.

Проникновение цифровых технологий в повседневность преобразует общественные отношения за счет проявления в непосредственном двуединстве крайне противоречивых тенденций, таких как: возможности массового производства и индивидуализированного предоставления услуги; сочетание «настоящей» реальности и виртуальной, дополненной реальности для каждого человека; защита идентичности,

персональных данных человека и прозрачность его жизни и поведения; постепенное отчуждение внутреннего мира от его носителя-человека, что приводит к утрате человеком свободы и способности формировать собственное я; принципы демократии и усиление управляемости человеческими массами посредством всепроникающих технологий социальной инженерии; дальнейшая поляризация человеческих сообществ, усиление обогащения состоятельных и дальнейшее обнищание бедных.

В условиях цифровизации вся жизнь граждан оказывается, как на ладони — перемещения, социальные связи, общение, предпочтения, платежи. Со всей очевидностью стало понятно, что финтех, наряду с удобствами для пользователей, автоматически предоставляет заинтересованным органам поток данных о жизни людей, взамен традиционных операций банков с их тайнами [5]. Применение цифровых технологий вовлекает акторов в невиданное ранее n-мерное взаимодействие на стыке физического, цифрового, социального и биологического миров (граждан, власть, предпринимателей, социум, технологии, собственность, неодушевленный мир-«умные» заводы, предметы и орудия труда, недвижимость).

Особенно кардинальные изменения проецируются в отношении финансовых технологий, а затем и всей совокупности отношений между людьми и финансово-кредитной системы, так как деньги — это концентрированная форма богатства, универсальная цель жизнедеятельности многих людей, особенно развитых стран. Так, объем криптовалютного рынка во всем мире по итогам 2018 года может увеличиться в три-четыре раза, в результате легитимизации этого явления и введения регулирования со стороны ведущих держав: Китая, США, Южной Кореи и России, Венесуэлы, др. стран. Сразу же ожидается рост активности игроков и спекулянтов на данном рынке, формирование институциональных инвесторов при организации соответствующей надежной инфраструктуры для криптоинвесторов.

Объем мирового рынка ICO в 2018 году может составить 12–15 млрд. долларов, что в пять раз больше по сравнению с тремя миллиардами годом ранее, отмечает Маврина Л.

Понятно, что сегодня, с точки зрения мировой экономики весь рынок ICO представляет десятые доли процента, но темпы его роста впечатляют [6], тем более что рынок частных блокчейнов и смарт-контрактов, возможно имеющих невиданные масштабы, вообще остается вне учета статорганов национальных экономик. Количество точек доступа к счетам граждан увеличивается в геометрической прогрессии — практически любой канал связи сегодня становится каналом платежа, а в недалеком будущем — каналом получения любой финансовой услуги, чем могут воспользоваться технически компетентные мошенники. Банки уже с трудом противостоят атакам на счета своих клиентов, и еще более упрощая финансовые операции, обнаруживают риски, которые пока еще не поддаются оценке и защите.

На российских предприятиях, реализующих модель «догоняющего развития», пропустивших несколько циклов модернизации в связи с реформированием экономики, только начинается осмысленное употребление характеристик производственной деятельности в терминах четвертой промышленной революции, «умной фабрики», широкой роботизации массового производства, облачные технологии, интернет вещей. К настоящему времени еще до конца не решена проблема посткризисного восстановления экономики после распада СССР, структурной перестройки экономики и новой индустриализации. Это необходимо, прежде чем переходить к достижениям цифровой экономики, научиться качественно производить технически сложные вещи, самолеты, станки, электронно-компонентную базу, и затем осмысленно оцифровывать производственные процессы.

Очевидно, что цифровизация несет с собой принципиально новые решения во всех сферах жизни, выводя на новый уровень производительность труда, заставляя

диверсифицировать свою деятельность, меняя парадигму производства за счет пересмотра базовых управленческих алгоритмов, оптимизации производственных процессов и формирования новых технологических регламентов производства и реализации продукции. В итоге ожидается оптимизация издержек предприятий, существенное увеличение рентабельности существующих активов, рост доходности, расширение географической экспансии, ускорением доставки продукции потребителям, обеспечением рабочей силы необходимой квалификации и численности.

Конкурентоспособность продукции базируется на низкой себестоимости продукции при ее высоком качестве, возможности получения прибыли на уровне выше среднеотраслевой, что обеспечивается прозрачностью и управляемостью производства на всех его этапах этого процесса, что эффективно решает цифровизация. Предполагается, что изменится контролирующая роль человека, функции которого в едином информационном пространстве в постоянном режиме возьмут на себя электронные системы.

Но с внедрением цифровизации на производстве появляются и новые угрозы, связанные с пересмотром роли и количества живого труда, предъявления совершенно новых требований к людям-носителям компетенций. Ожидается, что в течение ближайшего двадцатилетия почти половина рабочих мест современного мира будет автоматизирована, оставив без работы миллионы человек. С другой стороны, потребуется значительное количество специалистов по цифровизации. По оценкам известной консалтинговой компании The Boston Consulting Group (BCG), уже к 2025 году Россия может столкнуться с нехваткой 10 млн. специалистов по аналитической и творческой работе [7], что характерно в пропорции с масштабами производства и для других развитых экономик. В этой связи Петров А.А. отмечает, что уже сейчас в США требуется 140–190 тыс. аналитиков для эффективной обработки больших данных и свыше 1,5 млн. человек менеджеров для управления информационными массивами [8]. Огорчает, что большая часть потребности хозяйства США традиционно будут покрывать за счет привлечения иностранных специалистов, несправедливо извлекая интеллектуальную ренту, в том числе в значительном объеме, и за счет России. Это будет способствовать тому, несмотря на широкое распространение компьютеров и смартфонов, что цифровая пропасть между нашими и другими странами будет стремительно расти.

Причины для таких опасений обосновываются в следующем:

- существующая система образования России ориентирует специалистов на решение исключительно стандартных, а не поисковых, творческих задач — пользоваться современными гаджетами, а не изобретать их.
- искаженная система оплаты труда, которая практически уравнивает по зарплате высококвалифицированный труд с рутинными навыками и умениями рабочих низкой квалификации. Учитель, врач, инженер в РФ часто получает меньше, чем водитель или дворник.
- низкий исходный уровень автоматизации и цифровизации технологических процессов, а также практики статистического анализа данных в стабильных производственных условиях, которые можно было бы оцифровать.
- недостаток квалифицированных специалистов по цифровым технологиям в промышленности;
- фактор устаревшего технического регулирования деятельности предприятий, осложняющий внедрение новых технологий.
- низкий уровень цифровой культуры менеджмента предприятий, отсутствие мотивации к применению цифровых методов и получения эффекта, вывод капиталов за рубеж.

На первом этапе требуется все же провести первичную индустриализацию,

восстановить утраченные сектора промышленности как основы приложения высокоэффективных цифровых технологий, которые реально смогут повысить производительность труда в 1,8 раза (или даже существенно больше) и создать 25 млн. высокопроизводительных рабочих мест, что запланировано правительством. Слабая инфраструктура, неустроенность российских городов и поселений, требующая глубокой модернизация ЖКХ, утилизация мусора, обычной и ливневой канализация и тысячи других «мелочей», не осуществив которые нельзя стать развитыми, даже при сколь угодно глубокой «цифровизации».

Пока наблюдаем весомую долю нефтегазового сектора в экономике страны, являющейся также основой ее внешней торговли, причем экспорт сырой нефти во все пореформенное время не снижается ниже уровня 50% ее добычи, что свидетельствует о невозможности отказаться даже в перспективе от сырьевой модели экономики. Более того, снижение нефтегазовой зависимости госбюджета с имеющихся 60% до 33% к 2020 году, согласно заявлениям министра финансов А. Силуанова, пока под собой никаких основ не имеет, так как сохраняется прежняя экономическая парадигма, отсутствие как структурной перестройки народнохозяйственного комплекса, так и реальных результатов заявленной политики импортозамещения.

В нефтеперерабатывающей промышленности, несмотря на даже достаточно большую величину реализованных капиталовложений, накоплен большой объем износа основных фондов, в первую очередь, морального характера, что не соответствует современным общемировым требованиям. Это генерирует большие риски и проблемы в развитии отечественной нефтепереработки и, учитывая значение отрасли, может стать сдерживающим фактором при переходе к более высоким темпам роста экономики РФ, чем наблюдаемые в настоящее время околонулевые значения, и в чем эффект цифровизации оказывается незначительным по причине слабости объектов ее применения.

Вывод: отечественным предприятиям компаниям необходимо определить наиболее перспективные области применения цифровых технологий. Горизонты перспективного развития должны опираться на имплементацию и развитие цифровой культуры и активно привлекать, и развивать своих и приглашенных специалистов по цифровым технологиям, обеспечивать им условия для качественного креатива. Чтобы быть впереди, нужно не ждать, а действовать уже сейчас, реализуя стратегию «обгонять, не догоняя», т.е. перескочить на новой технологической основе к организации высокоэффективных производств.

В ход исторического развития неоднократно доказывалась, что кажущаяся «кондовость» и закоснелость хозяйства России в нужный момент решительно преодолеваются, страна может мобилизовать все свои силы и имеющиеся ресурсы с тем, чтобы успешно сокрушить противника или препятствие и выйти в мировые лидеры, несмотря на колоссальные жертвы. Очевидно, что вызов цифровизации — из ряда тех больших задач, когда потребуется мобилизация сил и ресурсов всего российского общества во имя торжества прогресса и справедливости.

Список литературы

1. Шумпетер Й. Теория экономического развития. - М. Прогресс, 1982.-455 с.
2. Цифровая реальность//Эксперт № 29 за 2017 год).
3. «Эксперт Сибирь» №48-49 (504)
4. Шевченко К. В., Корсукова Н.Д. Блокчейн, как новый этап в развитии цифровой экономики//актуальные проблемы авиации и космонавтики – 2017.Том 3
5. Чем мы заплатим за Финтех. Специальный доклад. Наступление финтеха. «Эксперт» №15 (1071) 9 апреля 2018
6. МавринаЛ. Опасный новый криптомир. Специальный доклад. Наступление

финтеха// «Эксперт» №15 (1071) 9 апреля 2018

7. Россия 2025: от кадров к талантам// http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf

8. Петров А.А. Цифровая экономика: вызов России на глобальных рынках// Торговая политика. Tradepolicy /2017. № 3/11. ISSN 2499-9415

Информация об авторах:

Яковлев Геннадий Иванович,
Доктор экономических наук, доцент,
Самарский государственный экономический
университет, г. Самара, Россия

Information about authors:

Yakovlev Gennady Ivanovich,
Doctor of Economics, Associate Professor,
Samara State Economic University,
Samara, Russia

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

УДК 811.161.1.

М.А. Атакулова

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНОГО СТРОЯ: СВОЕОБРАЗИЕ И СТАТУС

Ошский технологический университет

Аннотация: Настоящая статья посвящена сравнительному изучению личных местоимений в языках различного строя и определению места лично-местоименных слов русского языка в этой системе.

Ключевые слова: прономинальное поле, дейктическая функция, актанты, парадигма.

UDC 811.161.1.

М.А. Atakulova

PERSONAL PRONOUNS IN DIFFERENT LANGUAGE SYSTEMS: ORIGINALITY AND STATUS

Osh technological university

Abstract: This article is devoted to a comparative study of personal pronouns in the languages of a different system and the definition of the place of the Russian language personal-pronounal words in this system.

Key words: pronominal field, deictic function, actants, paradigm.

Личные местоимения являются ядром прономинального поля в языке. Известно, что личные местоимения языков различных семей были предметом углубленных компаративистских разысканий. Личные местоимения индоевропейских языков, например, глубоко были изучены в трудах К. Бюлера, А. Мейе, Э. Бенвениста, В.М. Жирмунского, А.Н. Савченко, В.Я. Мыркина, С.Ф. Самойленко, В.С. Воробьева-Десятовского и других.

Сравнительный анализ монгольских личных местоимений произведен в трудах В. Котвича, Г.Д. Санжеева, А.А. Дарбеевой, Т.А. Бертагаева и других. Изучение местоимений финно-угорских языков осуществлялось в работах К.Е. Майтинской, Л. Хакулинен, Б.А. Серебренникова, Н.И. Терешкина, Н.М. Терещенко и др., картвельских и других кавказских языков – в трудах Ю.Д. Дешериева, Е.А. Бокарева и А.Т. Мартиросова.

В ряде исследований изучаются тюркские личные местоимения в сравнительно-историческом аспекте (Н.И. Ашмарии, А.П. Поцелуевский, В. Котвич, Н.К. Дмитриев, Н.А. Баскаков, Ф.Г. Исхаков, А.М. Щербак, Г.Ф. Благова, Н.З. Гаджиева и др.). Но общетеоретические вопросы прономинального поля в них рассматриваются без специального учета киргизских личных местоимений.

Личные прономинативы обладают свойством универсальности [7; 17]. Они представлены во всех языках мира. Ибо в языке обязательно наличие слов, выражающих отсылку к участникам и неучастникам данного акта речи или речевой ситуации. Эти слова выполняют дейктическую функцию и содержат указание на участников речевого акта - говорящего, адресата или на предмет речи [3; 12].

Термин «личное местоимение» в сравнительно-исторических грамматиках и типологических исследованиях употребляется в узком и широком смысле слова. В узком понимании этим термином обозначаются только собственно личные местоимения [6; 19] типа киргизских *мен, биз* и т.д., в широком понимании к личным местоимениям могут быть отнесены любые местоимения, способные изменяться по лицам [1; 10] (тувин. *бодум* «я сам/сама», *бодуё* «ты сам/сама», *боду* «он сам/она сама», *бодувус, боттарывыс* «мы сами», *бодуёар, боттарыёар* «вы сами», *боттары* «они сами»), лично-местоименные энклитики (болгар.энклитики: *ме* «меня», *ми* «мне», *те* «тебя», *ти* «тебе», *го* «его», *му* «ему», *я* «ее/нее», *й* «ей/ней», *ни* «нас/нам», *ви* «вас, вам», *ги* «их», *им* «им») наряду с полными и ударными словоформами: *мене* «меня, мне», *тебе* «тебя, тебе», *него* «его, ему; него, нему», *нея* «ее, ей, нее, ней», *нас* «нас, нам», *вас* «вас, вам», *тях* «их/них»), лично-притяжательные местоимения (рус. *мой, твой, наш* и др.; якут. *миэне* «мой, моя, мое», *эйиэне* «твой, твоя, твое» и др.). В настоящей работе рассматриваются вопросы только собственно личных местоимений как лексико-грамматической группы, указывающих на актантов речевых действий в пространственно-временном поле языка.

По мнению К. Бюлера, каждое конкретное речевое событие «есть сложное человеческое действие. И, участвуя в этом речевом действии, отправитель не только занимает определенное положение на местности (как дорожный указатель), но и играет, кроме того, некоторую роль - роль отправителя, отличную от роли получателя». Полную модель речевого общения составляют его участники – отправитель и получатель речевых сообщений. «Если говорящий «хочет указать» на отправителя произносимого слова, то он говорит *я*, а если он хочет указать на получателя, то он говорит *ты*. Таким образом, *ты* и *я* – тоже указательные слова, причем это и является их первичным предназначением». Эти местоимения являются ядром указательного поля, противопоставляемого назывательному. Личные местоимения в языке, расположившись в центре прономинального поля, представляют собой своеобразную группу лексем. *Они характеризуются специфическими, только им свойственными чертами, которые проявляются в семантике, в морфологическом парадигмообразовании (супплетивность, наличие особых чередований и т.д.), в словообразовании, в сфере функционирования и т.д.*

Личные местоимения не являются однородным классом лексем. Они внутри себя выделяют группировки, дифференцируемые по признакам лица, числа, указательности - неуказательности, инклюзивности - эксклюзивности, рода, класса и т.д. [9; 16].

Личные местоимения 1-го и 2-го лица занимают особое положение по сравнению с личным местоимением 3-го лица. Местоимение 3-го лица часто называют лично-указательным. В языках сфера 3-го лица по типу указания значительно более разнообразна, чем сфера 1-го и 2-го лица. Так, в американском черокезском языке употребляются девять разных местоимений 3-го лица. Выбор того или иного местоимения зависит от того, стоит ли, сидит ли, ходит ли и т.д. лицо, о котором говорится.

В североамериканском языке квакиутль имеется одно личное местоимение для 1-го лица, одно для 2-го лица, но семь личных местоимений 3-го лица, которые различаются по указанию на степень удаленности, по видимости или невидимости лиц, а также по их присутствию или отсутствию [5; 20].

В чамалинском языке Дагестана имеется по одному местоимению для 1-го лица единственного (*дй* «я»), для 2-го лица единственного (*мй* «ты») и множественного (*бити* «вы») числа, по одному местоимению для инклюзива и эксклюзива 1-го лица множественного числа (*илли* «мы с тобой» и *исси* «мы с ним/ними», «мы без тебя, вас»), но около десяти указательных местоимений выступают в роли личных местоимений 3-го лица. Каждое из лично-указательных местоимений имеет по 5 классовых показателей: например, *о* «этот» для 1 кл., *ой* – для 2 и 5 кл., *об* – для 3 кл., *ол* – для 4 кл.

Личные местоимения 1-го и 2-го лица во множественном числе образуются супплетивно, то есть не от корня соответствующих местоимений единственного числа, в то время как в 3-ем лице множественного числа сохраняются корни соответствующих местоимений единственного числа [7]. В этом отношении чамалинские личные местоимения 3 л. обнаруживают типологическое сходство с личными местоимениями индоевропейских, алтайских и других языковых семей.

В отличие от личных местоимений 1-го и 2-го лица, местоимения 3-го лица во многих языках выражают отсылку как к людям, так и к предметам и явлениям (ср. кирг. *ал*, *алар*, нем. *er*, *sie*, *es*). Местоимения 1-го и 2-го лица используются только при указании на людей, за исключением редких случаев персонификации типа: *Мен сага кайтып келем, Алатоо!* – Я вернусь к тебе, Алатоо!

Личные местоимения 3-го лица отличаются от местоимений 1-го и 2-го лица и по склонению.

Ср., например, в бурятском языке:

1) им.п. *би* «я» *ши* «ты» *бидэ* «мы» *та* «вы»
род.п. *мини* *шини* *бидэней/манай* *танай*
дат.п. *намда шамдабидэндэ/манда танда*

2) им.п. *тэрэ* «он, она, оно» *энэ* «этот, эта, это» *тэдэ* «они» *эдэ* «те»
дат.п. *терэ(э)нде энэ(э)нде тэдэ(э)нде эдэ(э)нде.*

Здесь для удобства даны формы только трех падежей (вместо восьми). Личные местоимения 1 и 2 л. имеют разные основы: *би/мин-/нам-*; *ши/шин-/шам-*; *бидэ/бидэн-*; *та/тан-*. А склонение местоимения 3 л. идентично склонению указательных местоимений и не обнаруживает особых морфонологических явлений. В косвенных падежах допускается вариативность долгого и обычного гласных на стыке основы и падежного аффикса.

Контрастность личных местоимений 1-го и 2-го лица, с одной стороны, и 3-го лица, с другой, проявляется и в сфере их функционирования. Первые встречаются в разговорном стиле языка и широко представлены в тексте художественной литературы. Диалог невозможно осуществлять без них. Они почти не используются в языке научно-технической литературы (в энциклопедических изданиях, в учебниках и монографиях по отраслям наук, в справочниках, в законодательных актах и т.д.) [2; 14].

Эти две группы личных местоимений отличаются друг от друга и по семантике. Лица, на которых производится указание, неравноправны и неравнозначны в акте речи. Равноправны 1-ое и 2-ое лица, производящие речевое общение и попеременно меняющие свои роли говорящего и слушающего. Таким свойством не обладает 3-е лицо: оно непосредственно не участвует в акте речи. Об этом хорошо сказано П. Форхеймером. Он писал о том, что близость 1-го и 2-го лица объясняется тем, что, если участвующие в беседе А и Б говорят о себе «я», обозначается два разных лица, значение же 3-го лица не меняется от того, что о нем говорит А или Б.

Э. Бенвенист тоже специально подчеркивает принципиальное отличие личных

местоимений 1-го и 2-го лица от местоимений 3-го лица. Он связывает их отличие с моментом и реальностью речи. По мнению Э. Бенвениста, 3-е лицо является немаркированным, непризнаковым членом корреляции лица. Местоимение 3-го лица, в отличие от местоимений 1-го и 2-го лица, не указывает на момент речи. В отличие от имен, которые приспособлены информировать о постоянном и «объективном» понятии и могут быть виртуальными или актуализироваться в единичном понятии, местоимения 1-го и 2-го лица не приспособлены давать информацию, поскольку нет такого «объекта», который мог быть определен словом со значением «я» или «ты». Любое «я» имеет свою собственную информацию и соответствует каждый раз единичному существу. Единичная «реальность», к которой относится «я» или «ты» - это «реальность» речи. При помощи слов сферы 1-го лица (менее отчетливо также и 2-го) все события соотнесены с моментом речи, и практическое значение подобных слов поистине неоценимо: если бы для выражения чувства своей субъективности каждый говорящий имел бы свой особый указатель (подобно тому, как каждая радиостанция имеет свои собственные позывные), практически было бы столько языков, сколько индивидов, и общение между людьми стало бы невозможным.

Здесь сделана попытка проникнуть в суть природы личных местоимений. За местоимениями не закреплены реальные предметы и их свойства. Их семантика подвижна и гибка. Они не имеют постоянную референцию. Их употребление обусловлено актом и моментом речи. Личные местоимения только указывают на участников общения в роли говорящего или слушающего и на неучастников акта речи. Момент речи определяет ее участников и делает 1-ое и 2-ое лица маркированными. Личные местоимения выполняют *обобщительную функцию* в языке, замещая имя, фамилию и другие конкретные атрибуты участников акта речи, обеспечивая этим компрессию средств языка.

В целом ряде языков противопоставление местоимений 1-го и 2-го лица, с одной стороны, и, с другой, местоимений 3-го лица проводится на основании признаков *родоизменения* показателей. В индоевропейских языках, например, местоимения 3-го лица составляют ряд единиц, тождественных по значению указания и соотнесенности с предметом речи, но дифференцируемых по родовой принадлежности предмета или лица, на которые они указывают (ср., например, русские *он, она, они*). В дагестанских языках они имеют классные показатели.

Личные местоимения в языке образуют лексико-семантическую парадигму, составляющие которых имеют общие и отличительные признаки. Общими их свойствами являются единство всеобщего (абстрактного) и единичного (индивидуального) в семантике, способность к обозначению участника-неучастника речевого акта, возможность взаимодействовать с лично-посессивными и лично-предикативными парадигмами (при их наличии в языке), отмеченность и актуализированность актантов в процессе речи и трехчленность парадигмы. Личные местоимения в языке состоят из 1-го, 2-го и 3-го лиц, образуя парадигму-трехчлен [4; 18].

В то же время единицы языка, составляющие личные местоимения, дифференцированы и отличаются друг от друга по целому ряду признаков. Личные местоимения 1-го лица противопоставлены первому лицу, единственного числа – местоимениям со значением не-единственного числа (двойственного или множественного), участники речевого акта – неучастникам, местоимения женского класса (или рода) – местоимениям неженского класса (или рода) и т.д. В языках мира доминирует система, состоящая из шести элементов: 1) слово со значением «я»; 2) слово со значением «ты»; 3) слово со значением «он» (то есть *он, она, оно*); 4) слово со значением «мы»; 5) слово со значением «вы»; 6) слово со значением «они». Это идеальный случай, соответствующий здравому смыслу носителей русского языка.

Выход за пределы этого языка дает обширный материал, требующий обстоятельного исследования. Приведем и прокомментируем некоторые примеры из разных языков.

1. Болгарский язык: 1) *аз*; 2) *ти*; 3) *т-* (*той, то, тя*); 4) *ние*; 5) *вие*; 6) *те*. Эта система аналогична русской парадигме.

2. Английский язык: 1) I [*ai*]; 2,5) *you*[*ju:*]; 3а) *he*[*hi:*] «он», 3б) *she* [*fi:*] «она»; 3в) *it* [*it*] «он, она, оно»; 4) *we* [*wi:*]; 6) *they* [*ðei*].

Как видим, в этом языке русские 2 и 5 нейтрализуются, русское 3 расщепляется на подпункты по признаку одушевленности (3а-3б) и неодушевленности (3в).

3. Эстонский язык: 1) *mina* (*ма*); 2) *sina* (*са*); 3) *tema* (*та*); 4) *meie* (*ме*); 5) *teie* (*те*); 6) *nemad*(*над*).

Если п. 3 в русском и болгарском языке допускает разбивку по роду, эстонский язык нейтрализует родоизменение. В этом языке личные местоимения имеют полные и неполные формы. Неполные формы не образуют отдельных членов парадигмы.

4. Хантыйский язык: 1) *ма*; 2) *наё*; 3) *тыв*; 4а) *мин*; 4б) *муё*; 5а) *нын*; 5б) *наё*; 6а) *тын*; 6б) *тыв*. Хантыйский язык имеет, по сути, девятичленную парадигму. Неединственное число личных местоимений отдельно представлено лексемами дв. и мн. числа: 4а, 5а, 6а – слова в форме дв.ч., 4б, 5б и 6б – мн.ч. Родоизменение не характерно хантыйскому языку.

5. Дунганский язык: 1) *вэ*; 2) *ни*; 3) *та* «он, она, оно»; 4а) *вэму*(экскл.); 4б) *заму*(инкл.); 5) *ниму*; 6) *таму*. Система семичленная. Значение «мы» передается двумя формами - *вэму* «я + он», «я + они» и *заму* «я + ты», «я + вы». В дунганском языке отсутствуют родоизменение, склонение и спряжение.

6. Ассирийский язык: 1) *ана*; 2а) *ат*(муж.); 2б) *ати* (жен.); 3а) *ав* «он»; 3б) *ай* «она»; 4) *ахнан* «мы»; 5) *ахтун* «вы», 6) *аний* «они» 2а и 2б дифференцируется графически.

7. Хауса (относится к чадским): 1) *nawa, tawa*; 2а) *naka, taka*(му ж.); 2б) *naki, taki*(жен.); 3а) *nasa, tasa*(муж.); 3б) *nata, tata* (жен.) 4) *nami, tamu*; 5) *naku, taku*; 6) *nasu, tasu*. В ассирийском и хауса, относящихся к семито-хамитской группе языков, значения 2 и 3 л.ед. разбиваются на две семы – жен. и муж.р.

8. Хваршинский язык: 1) *до*; 2) *мо*; 3) *ю*; 4) *ило*; 5) *мижо*; 6) *жиду, изу* «они». Слово *ю* в им.п. имеет значение «он, она, оно», в косвенных падежах получает основу *ис-* для 1 класса, т.е. для указания на лиц мужского пола, и основу *иль-* для 2-6 классов, т.е. для указания на лиц женского пола (2 класс), на животных (3 класс), на неодушевленные предметы (4 класс) и детенышей животных (5 класс) (2, с. 125-126). Следовательно, основа *ис-* имеет значение «он», а *иль-* - значения «он, она, оно».

9. Абхазский язык: 1) *сара, са*; 2а) *уара, уа*(муж.); 2б) *бара, ба* (жен.); 3а) *иара, иа* (муж.); 3б) *лара, ла* (жен.); 4) *хара, ха*; 5) *шэра, шэа*; 6) *дара, да*. Абхазские «личные местоимения не изменяются по формам». Они имеют полные и краткие формы. В этом отношении они сходны с эстонскими. Русские (2) и (3) расщепляются на две единицы, (2) усложняется, (3) упрощается. Русское (3) состоит из трех единиц – «он», «она» и «оно».

10. Ингушский язык: 1) *со*; 2) *хьо*; 3) *из*; 4а) *вай* (инкл.) «я+ты», «я+вы»; 4б) *тхо* (экскл.) «я+он», «я+она», «я+оно», «я+они»; 5) *шу*; 6) *уж, ужаи*. Ингушские (4а) и (4б) типологически сходны с дунганскими.

11. Тиндинский язык: 1) *де*; 2) *ме*; 3) *аб, аб, гьаб, гьаб, об/уб* «он, она, оно», «этот, эта, это»; 4а) *илла* (инкл.); 4б) *ица* (экскл.); 5) *бисса*; 6) *оби* (5, V, с. 274). Здесь 4а и 4б напоминают дунганские и ингушские. В тиндинском языке «в качестве местоимений 3 л. используются указательные». Однако в нем своеобразно 3л., которое расщепляется на 4 единицы. От них образуются сложные местоимения. «Сложные местоимения образуются от простых + элементы: *д* (обозначает «на одном уровне с говорящим»), *г* («ниже говорящего»), *ль* («выше говорящего»): *а-да-б* (>а-йа-б) гэтотл(«прямо»), *а-га-б*

(«ниже»), *а-льа-б* гэтогг («выше»), *агга-б* и т.д. Указательные местоимения оканчиваются на классные показатели. Склоняются они как прилагательные».

Следовательно, в тиндинском языке мы имеем весьма разветвленную систему словоформ лично-указательных местоимений. Приведем фрагмент парадигмы простых местоимений: *ав* (1 кл.), *ай* (2 кл.), *аб* (3 кл.)

скл.: им.п.	<i>ав</i>	<i>ай</i>	<i>аб</i>
эрг.п	<i>ащуй</i>	<i>альльий</i>	<i>альльий</i>
род.п.	<i>ащув</i>	<i>альльилла</i>	<i>альльилла</i>
дат.п.	<i>ащульа</i>	<i>альльильа</i>	<i>альльильа</i> и т.д.

Словоформа *ав* определяет существительные, обозначающие лиц мужского пола, словоформа *ай* - слова, обозначающие лиц женского пола, словоформа *аб* - слова, обозначающие все остальное (животных, вещи, явления). Формы 2 и 3 кл. в неименительных падежах совпадают.

Тиндинские классные показатели 3 л. сходны с показателями 3 л. в английском языке. В них различаются 3 класса – мужской класс, женский и вещественный классы. В тиндинском мужской и женский классы различаются для названий лиц, в английском – для названий живых существ. В косвенных падежах тиндинский женский класс объединяется с вещественным, в косвенном падеже английского языка мужской класс (род) сходен с вещественным. В тиндинском 5 местоимений 3 лица, каждое из которых может сочетаться с тремя аффиксами со значениями «прямо», «ниже» и «выше». Следовательно, мы имеем 15 местоимений – пять простых и десять сложных. Каждое из 15 лично-указательных местоимений имеет по 3 классных показателя. В итоге мы имеем 45 форм. При склонении местоимения 1 класса наращиваются аффиксом *щу*, 2 и 3 классов – аффиксом *льльи*. Местоимения изменяются по грамматическим и местным падежам. Грамматических падежей 5, местные падежи образуют 7 серий, каждая из которых имеет по два падежа – локатив и элатив. В итоге мы имеем 19 падежей. Умножение 45 лично-указательных словоформ по 19 падежам приводит к очень сложной системе лично-местоименных словоформ 3л. только в ед.ч.

Следует отметить, что личные местоимения 2 и 3 л. и генетически, и семантически могут быть сближены друг с другом. В семантическом плане местоимения 2-го и 3-го лица стоят ближе друг к другу как неговорящие. В этом случае противопоставление 1-го лица 2-ому и 3-ему осуществляется по признаку «я» - «не-я». *1-ое лицо становится производителем (центром) акта речи, 2-ое лицо – непосредственным реципиентом сообщения, т.е. слушающим, 3-е лицо – периферией речевого общения, непосредственно не участвующей в нем.* 2-ое лицо играет роль посредника между центром и периферией устно-речевых действий. Много фактов, подтверждающих генетическое родство личных местоимений 2-го и 3-го лица в языках мира (4, с. 81-83; 2, с. 126).

Например, в алеутском языке «местоимение *тин* «ты» употребляется также в значении 3-го лица» [7].

В славянских и тюркских языках богатой коннотацией обладают личные местоимения 2-го лица [11; 17]. Этим они противопоставлены более нейтральным и объективным 1-ому и 3-ему лицам, которые не содержат сем субъективной оценки по координатам «старший – младший», «уважаемый – неуважаемый», «выше по социальному положению – ниже по социальному положению», «знакомый – незнакомый», «друг – недруг» и т.д. [8; 13].

Список литературы

1. Аладьина О.И., Веракша Т.В. Активизация работы по преодолению паронимических смещений // Проблемы преподавания русского языка и литературы на интенсивных курсах для иностранцев Тезисы докладов и сообщений межвузовской

научно-методической конференции. Государственный комитет РФ по высшему образованию, Российский государственный гидрометеорологический институт. 1993. С. 42-43.

2. Вольская Н.Н. Поликодовый медиатекст: пути исследования // Русская речь. 2016. № 2. С. 58-63.

3. Глухова Н.Н. Структурно-семантические особенности фразеологических единиц, выражающих понятия неопределенно большого и неопределенно малого количества (на материале английского, немецкого и шведского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - Москва, 1983. - 16 с.

4. Городилова Г.Г., Хамраева Е.А. Русский язык. 4 класс. - Москва, 2006. - 22 с.

5. Даржа У.А.О. Наречия в тувинском языке // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - Москва, 2006. - 282 с.

6. Девель Л.А. Англо-русский учебный словарь. лингводидактические проблемы использования в информационном поиске и дистанционном обучении в непрерывном образовании. - Санкт-Петербург, 2011. - 135 с.

7. Зулпукаров К.З., Атакулова М.А. и др. Инвариантность в прономинальной и провербиальной парадигмах языка. - Бишкек, 2016. - 728 с.

8. Кохичко А.Н. Теория и методика лингвоориентированного образования младших школьников: автореф. дисс. ... докт. пед. наук. - Челябинск, 2012. - 48 с.

9. Магомедов М.И. Категориальная характеристика инфинитных словосочетаний в аварском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - Москва, 1992

10. Магомедов М.И. Категория локативности и ее отражение в аварских паремиях // В сборнике: Язык, литература, фольклор Книга в честь Юнуса Дешериева, Дешериевские чтения. Халидов А.И. (составление, редактирование). 2014. С. 232-242.

11. Матюшенко А.Г., Панков Ф.И. Сон онегина как элемент "зеркальной" композиции романа в стихах А.С.Пушкина // Русская словесность. 2006. № 1. С. 38-41.

12. Панков Ф.И. Позиции адвербиальных синтаксем (фрагмент функционально-коммуникативной лингводидактической модели русской грамматики) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2006. № 4. С. 1-34.

13. Семькина Р.Н. Метафизика инобытия в творчестве Ф.М.Достоевского и Ю.В.Мамлеева // Ползуновский вестник. 2005. № 3. С. 244-247.

14. Симонова О.А., Ситникова А.Ю., Семилеева И.А. Урбанонимы сургута и способы их перевода на английский язык // Перевод в меняющемся мире Материалы Международной научно-практической конференции. 2015. С. 272-276.

15. Солтаханов Э.Х., Солтаханов И.Э. Абат. - Грозный, 2009. - 142 с.

16. Томин В.В.О проблемах машинного перевода научно-технического текста в информационном поле кросс-культурного взаимодействия // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 1 (176). С. 33-39.

17. Ходанен Л.А. Миф в художественном мире М. Ю. Лермонтова. - Кемерово, 2008. - 104 с.

18. Хусиханов А.М. Жанровое своеобразие и художественные особенности романа А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» // В сборнике: 6 ежегодная итоговая конференция профессорско-преподавательского состава Чеченского государственного университета 2017. С. 57-63.

19. Чимаров С.Ю. Феномен некоторых лексических заимствований и неологизмов в связях с общественностью // Научные труды Северо-Западного института управления. 2012. Т. 3. № 2. С. 110-117.

20. Glukhova N.N. Structure and style in mari charms. - Szombathely, 1997. - 115 с.

Информация об авторах:

Атакулова Мээрим Абдыкеримовна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка,
Ошский технологический университет,
г. Ош, Кыргызстан,

Information about authors:

Atakulova Meerim Abdykerimovna,
doctor of philology, docent, professor of Russian
department, Osh technological university,
Kyrgyzstan, Osh city

УДК 811.161.1

О.Г. Твердохлеб

**ПРИЧАСТНЫЕ ОБОРОТЫ, АТРИБУТИВНО ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ
АКВАТИЧЕСКУЮ ЛЕКСИКУ, В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ
ИОСИФА БРОДСКОГО: СИНТАКСИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ**

Оренбургский государственный педагогический университет

Аннотация: Обосновывается идея о том, что в языке поэтических текстов И. Бродского наблюдается активное использование акватических номинаций, атрибутивно охарактеризованных причастными оборотами. На большом иллюстративном материале показано, как при помощи причастных оборотов, атрибутивно определяющих акватические номинации, создается характерный для поэтического творчества Бродского сложный синтаксис, обусловленный: 1) структурой причастного оборота; 2) синтаксическим употреблением причастных оборотов по отношению к главному слову - акватической номинации; 3) количеством причастных оборотов, употребленных для характеристики акватических номинаций; 4) количеством главных слов, охарактеризованных одним причастным оборотом. Приёмы, предложенные в статье, могут быть использованы при анализе поэтики других авторов.

Ключевые слова: причастие, акватическая лексика, идиостиль.

UDC 811.161.1

O.G. Tverdokhleb

**PARTICIPLE, ATTRIBUTE CHARACTERIZING AQUATIC
LANGUAGE, IN THE POETIC TEXT OF JOSEPH BRODSKY: A
SYNTAX MODEL**

Orenburg State Pedagogical University

Abstract: Substantiates the idea that the language of the poetry of Joseph Brodsky observed active use of the aquatic categories, characterized by the attributive participle. On a large illustrative material shows how to use the rpm involved, an attribute defining the aquatic nomination, creates a characteristic of poetry of Brodsky's complex syntax, due to: 1) the structure of a participial phrase; 2) syntactic use of the sacrament of turnover relative to the main word - aquatic category; 3) number of rpm involved, is used to characterize the aquatic nominations; 4) the amount of principal words, characterized by one involved a turnover. The techniques proposed in this paper can be used in the analysis of the poetics of other authors.

Keywords: participle, aquatic vocabulary, the idiostyle.

...и я предпочитаю воду,
хотя бы -- пресную. Вода -- беглец от места,
предместья, набережной, арки, крова,
из-под моста -- из-под венца невеста,
фамилия у ней -- серова.
Куда как женственна! и так на жизнь похожа
ее то матовая, то вся в морщинках кожа
неудержимостью, смятением, грустью,
стремленьем к устью
и к безымянности.
И. Бродский. «Реки», 1986

I. Важнейшее культурно-историческое значение мира воды отмечают философы, историки, филологи, этнографы. Водная стихия постоянно привлекает к себе и внимание поэзии.

Особое место в литературе XX века занимает поэзия, и, безусловно, поэтический язык, Иосифа Бродского (1940–1996).

Важнейшей для поэтического мироощущения И.А. Бродского, по мнению литературоведов (Е. Ваншенкина (1996), М.Б. Крепс (1984), Е.Г. Штырлина (2010) и мн. др.), является идея времени. Особенно показывается учеными связь идеи времени с водной стихией (напр., в работах [1; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13]). Такую связь отмечал и сам Бродский: «Если можно себе представить время, то оно, скорее всего, и выглядит как вода» [4, с. 206].

Однако до сих пор остается много невыясненного.

Объектом нашей статьи является поэтический язык И. Бродского, и в частности, грамматические средства выражения, используемые для воплощения идеи «вода» — «время». Разделяя точку зрения Т.Н. Вольнец о причастии как значимой характеристики идиостиля поэта [5], в этой работе мы продолжим анализ особенностей функционирования процессуального признака (см. [15; 16]), используемого, в частности, для художественного определения реалий водного мира.

В работе используются обычные в лингвистике приемы описательного, стилистического и количественного анализов.

II. Материалом для исследования послужило электронное собрание сочинений Иосифа Бродского, включающее 612 текстов (стихотворений и поэм) [3] (далее все примеры по этому изданию).

Нами было выявлено чуть более 2 тысяч примеров с атрибутивной характеристикой причастными формами разных объектов и понятий реального мира. Из них 209 случаев с главным словом — акватической номинацией, что составляет почти 10% от общего числа выявленных конструкций.

Причастия, употребление которых связано, как мы уже отмечали ранее, с их судьбой в истории русского языка [17], синкретично соединяют в себе энергию глагола с описательной экспрессией прилагательного [14, с. 665; 2, с. 324], поэтому употребление их позволяет автору образно описывать разные номинации реального мира, представляя их признаки в динамике, в процессе его осуществления, становления, развития, изменения во времени.

И. Бродский с разной степенью частотности характеризует акватические номинации различных тематических групп («вода-свойства-состояния», «водные пространства», «вода-артефакты», «вода-живое», «вода-суша»), временным признаком по действию в форме согласованного определения, выраженного разными причастными формами, в частности:

- одиночными (73 случая), напр.: ...армаде *наступающей воды* («Окна»);

Блестящие нити дождя («Проплывают облака»);

• в составе причастного оборота (136 случаев), напр.: ...**вода, пролившаяся за ночь** («Шествие»); ...**дождь, чуть прекратившийся на миг** («Шествие (поэма)»).

Анализу конструкций с одиночными причастиями мы уже посвятили другую свою статью (в печати – О.Т.); здесь же остановимся на анализе синтаксических особенностей поэтических конструкций И. Бродского, включающих атрибутивную характеристику реалий водного мира причастными оборотами.

Приведенные выше количественные данные показывают, что почти в два раза чаще по сравнению с одиночными причастиями в качестве атрибутивной характеристики акватических номинаций в поэтическом мироощущении И. Бродского выступают причастные обороты.

Опишем далее выявленные нами модели конструкций, включающие используемые поэтом причастные обороты для обозначения временных признаков у объектов водного мира.

III. Используемые И. Бродским для характеристики акватических номинаций причастные обороты дают возможность автору заменять придаточные предложения, что, в свою очередь, делает описание не только концентрированным и компактным, сжатым и кратким, но и придает ему особую выразительность.

Для того чтобы и читатель смог детально себе представить, в частности, описываемые разнообразные водные реалии, И. Бродский использует самые разные модели построения синтаксических конструкций, включающих в свой состав причастные обороты.

1. По данным нашей картотеки, для характеристики объектов водного мира поэт употребляет:

1) причастные обороты, короткие, состоящие из двух слов:

а) находящиеся на одной строке с главным словом:

— в препозиции по отношению к главному слову: ...**а не богами налитый сосуд** («Я памятник воздвиг себе иной!...»); ...**словно бурей застигнутый челн** («Полевая эклога»); ...**как вскрытая бритвой вена** («Портрет трагедии»); **С налитым кровью глазом** («Мексиканский романсеро»); ...**заросший травой водоём** («Холмы»); ...**окном разрезанное море** («Загадка ангелу»); **Нарциссом брезгающая река** («Келломяки»); **Так рошу разрезающий ручей / бормочет все сильнее о постороннем** («Дом тучами придавлен до земли...»). Особо отметим строки с дистантным расположением главного слова и причастного оборота: ...**ждет появления своего царя, / как брошенный на скатерти букет -- /заполненной водой стеклянной вазы**(«Postaetatemnostram»); **В усыпанном блестками ватном снегу** («Presepio»);

- в постпозиции по отношению к главному слову: ...**вода, сметающая окурки** («Дебют»); **Видимо, дождь; ибо навряд ли ива, / не говоря -- сосна, в состояньи узнать, в потемках, / в мелкой дробе листа, в блеске иглы, в подтеках / ту же самую воду, данную вертикально** («Пристань Фегердала»); ...**волна, перекрывающая вечность** («Горбунов и Горчаков»); **Лодка, плывущая посуху, подскакивает на волне** («М. Б.»); ...**трехмачтовик, давший течь** («Письмо в бутылке»); **Фонтаны, бьющие туда, откуда...** («Бюст Тиберия»); ...**море, крашенное закатом** («Кентавры»); ...**войско уже не река, гордящаяся длиной** («Каппадокия»); ...**тучи, вывернутые наизнанку** («Примечание к прогнозам погоды»); ...**снег, пробивающий дым** («В горчичном лесу»). Ср. также случай с дистантным расположением главного слова и причастного оборота: ...**серой каплей зрачка, вернувшейся восвояси**(«Томасу Транстрёммеру»);

б) находящиеся на другой строке после (до) главного слова:

- в препозиции по отношению к главному слову, и только с дистантным расположением главного слова и причастного оборота: **Брызгающая воронкой, / как сбежавшая пенка, кровь** («Стихи о зимней кампании 1980-го года»); ...**цедящей семя /**

крайней плотью пространства («Колыбельная Трескового Мыса»); ...подобны сильно обглоданной -- стесанной до икры! -- / рыбе («Робинзонада»);

- в постпозиции по отношению к главному слову: Чернела вдали бутылка, / отброшенная носком («Холмы»); ...о чем для глаза, / вооруженного слезой («Пень без музыки»); Дужи, / хранящей отраженья («На выставке Карла Вейлинка»); ...льются речки из мглы, / проглотившей ее («В темноте у окна»). Ср. также стихотворные строки с дистантным расположением главного слова и причастного оборота: ...количество морей, полей, / разбросанных меж нами («Пень без музыки»); ...части / воды, окруженные сушей («Эклога 5-я (летняя)»); ...только вода, и она одна, / всегда и везде остается верной / себе -- нечувствительной к метаморфозам, плоской, / находящейся там, где сухой земли / больше нет («Сан-Пьетро»);

2) причастные обороты, короткие, состоящие из причастия и предложно-падежной формы:

а) находящиеся на одной строке с главным словом:

- в препозиции по отношению к главному слову: ...на веслаевские гребцы («С видом на море»); Смятое за ночь облако («Венецианские строфы (2)»); Бегающий от действительности Тибр («Бюст Тиберия»); ... при виде стремящихся к Вам валов / в бегах строк, в гудении слов... («Письмо в бутылке»). Выявлен случай с дистантным расположением главного слова и причастного оборота: ...как сползающие по стеклу мутные потоки дождя («Определение поэзии»);

- в постпозиции по отношению к главному слову: ...вода, пролившаяся за ночь («Шествие»); ...словно бутылка, забытая на столе («Колыбельная Трескового Мыса»); Лучше плыть пароходом, качающимся на волне («Квintет»); ...шлюпки, попавшей в бурю («Новая жизнь»); Моряк, заночевавший на мели («Чаша со змейкой»); ...ничего, кроме нимфы, дующей в окарину («Римские элегии»); ...Мыс, вдающийся в море («Колыбельная Трескового Мыса»); ...как облака, блестящие в окне («Бессмертия у смерти не прошу...»); ...реки, промерзшей до дна («Натюрморт»); ...рыбой, идущей в сети («Томасу Транстрёммеру»); ...рыбой, попавшей в сети («Квintет»); Нормальный дождь, обещанный в четверг («Фонтан памяти героев обороны полуострова Ханко»); ...пил воду, замурованную в кране («Инструкция опечаленным»); Так вспоминайте же меня, мадам, / при виде волн, стремящихся к Вам... («Письмо в бутылке»). Ср. также строки с дистантным расположением главного слова и причастного оборота: Это дочь генерал-губернатора, плывущая в Кюрасао («Новый Жюль Верн»); Остатки льда, плывущие в канале («С февраля по апрель»);

б) находящиеся на другой строке после (до) главного слова:

- в препозиции по отношению к главному слову: ...водичка, / и глядишь на меня сбежавшими из-под крана / глазами («Стакан с водой»); Плавающий в покое / мир («В Англии. IV. Ист Финчли»); ...подобны <...> стесанной до икры! -- / рыбе («Робинзонада»);

- в постпозиции по отношению к главному слову: ...что стынувший старик, / плывущий в темноте, / пронзительней, чем крик / "Осанна" в высоте («Элегия на смерть Ц. В.»); ...от которой осталась одна матроска, / позабытая в детской («Ты, гитарообразная вещь со спутанной паутиной...»); ...рассматривая свой улов, / ломающийся от пустоты («Взгляни на деревянный дом...»); ...чайник, / кипящий на керосинке («Я родился и вырос в балтийских болотах...»); ...пейзажа зимней черноморской бухты, / описанной в дальнейшем («Неоконченное»); ...через Понт, / опустевший от судов («Назо к смерти не готов...»); ...я вспоминаю лебедь, / плывущую из-за кулис («Ты узнаешь меня по почерку. В нашем ревнивом царстве...»); ...мелких волн, / разбегающихся по небосводу («Осенний крик ястреба»). Есть и конструкции с дистантным расположением главного слова и причастного оборота: Просто кем-нибудь наглухо кран завершен, / хоронящийся в кущах («Фонтан»); ...тем позже ты

превратишься в дождь за / окном, шлифующий мостовую («Стакан с водой»);

3) причастные обороты, длинные, состоящие из более, чем двух слов:

а) находящихся на одной строке с главным словом:

- в препозиции по отношению к главному слову: *Ты сам себе теперь дымящий миноносец* («Чем больше черных глаз, тем больше переносиц...»); *Тяжелым льдом обложенный Лиман* («Перед памятником А.С. Пушкину в Одессе»); *О, сколько света дают ночами / сливающиеся с темнотой чернила!* («Римские элегии»);

- в постпозиции по отношению к главному слову: ...у моря, стесненного картой в теле («Лагуна»); *Пустые, перевернутые лодки <...> Хотя они -- по-своему -- лишь эхо / частей, не развивающих успеха* («Пустые, перевернутые лодки...»); ...оловянной реки, уносящей грязь к океану («Над восточной рекой»); ...вид неправильных туч, зараженных квадратностью, тюлем («Bagatelle»); ...мачты шведских / яхт, безмятежно спящих в одних подвязках («Пристань Фегердала»); ...некто, назвавшийся капитаном Немо («Новый Жюль Верн»); ...из крови, столь испорченной тобой («Отрывок»); ...с глазом, налитым кровью от ненависти («Воронья песня»); *Просто всего лишь снег, мною не сбитый плотно* («Прощальная ода»); ...волн, всегда набегавших по две («Я родился и вырос в балтийских болотах...»);

б) начинающиеся на другой строке после (до) главного слова, хотя сами расположены полностью на одной строке:

- в препозиции по отношению к главному слову: *Но не пленить тебя не пирамидой / фаянсовой давно не мытой / посуды в раковине* («Муха»); *Судно плыло в тумане. Туман был бел. / В свою очередь, бывшее также белым / судно* («Это было плаванье сквозь туман...»). Ср. также строки с дистантным расположением главного слова и причастного оборота: ...набрякшие, как вата из нескромных ложбины, / размножаясь без резона, тучи («Представление»); ...застывших в моем окне / гор, перелесков, речных излучин («Письмо генералу Z.»); ...низвергает на них не щадящую ничего / водяную колонну («Колыбельная Трескового Мыса»);

- в постпозиции по отношению к главному слову: ...как фрегат, / идущий неожиданно ко дну... («Твой локон не свивается в кольцо»); *Стоит закрыть глаза, как вижу пустую шлюпку, / замерзшую на воде посредине бухты* («В Англии»); *Это тот неуемный пловец, / рассекающий грудью озёра* («Полевая эклога»); ...те же облака, / но как бы опрокинутые навзничь («С февраля по апрель»); *В белесой мгле, / спеленавшей со всех нас сторон* («Это было плаванье сквозь туман»); ...сквозь облака, / напоминавшие цветом то гипс, то мрамор («Вертумн»); ...к океану, / разделившему нас с тем размахом («Над восточной рекой»); *Деревья окружили пруд, / белеющий среди них, как плешь* («Деревья окружили пруд...»); ...и серебро реки, / выющейся точно живой клинок («Осенний крик ястреба»); ...речная поблескивает излучка, / подернутая ледяной корой («В окрестностях Александрии»); ...таков ли шум ночной Невы, / гонимой льдинами на Пасху («Петербургский роман»); ...подобны рыбе, / перепутавшей чешую и остов («Римские элегии»); ...строенья с ванными, / заполненными до краев славянами («Песня о Красном Свитере»); ...дождь, чуть прекратившийся на миг («Шествие (поэма)»); ...как иней, / осевший на до-ре-ми («Венецианские строфы (1)»); ..волн, / набегавших кружевом на итальянский берег («На виаФунари»). Ср. также строки с дистантным расположением главного слова и причастного оборота: *Мозг -- точно айсберг с потекшим контуром, / сильно увлекшийся Куросиво* («В этой маленькой комнате все по-старому...»); *Мелкие, плоские волны моря на букву "б", / сильно схожие издали с мыслями о себе* («Келломяки»); ...на берегу реки на букву "нэ", / петлявшей, точно пыльный уж («Набережная р. Пряжки»);

4) причастные обороты, длинные, состоящие из более, чем двух слов, и занимающие несколько строк, при этом:

а) одно или несколько слов причастного оборота находится на одной строке с главным словом:

- в препозиции по отношению к главному слову: *...и шастающий, как Христос, по синей / глади жул-плавунец* («Эклога 5-я (летняя)»);

- в постпозиции по отношению к главному слову: *...свой невод, распятый терпкой / полыню и золотой сурепкой* («Эклога 5-я (летняя)»); *Фонтан, изображающий дельфина / в открытом море* («Postaetatemnostram»); *...синюю рябь, продолжающую улучшать / линию горизонта* («Новый Жюль Верн»); *...завершается молом, погнавшимися за / как по плоским ступенькам, по волнам / убежавшей свободой* («Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова»). Есть конструкция с дистантным расположением главного слова и причастного оборота: *...чем волны местные, катящиеся вдаль / без адреса* («Голландия есть плоская страна»);

б) весь причастный оборот находится на других от главного слова строках:

- в постпозиции по отношению к главному слову (только): *...греческой туники, / обильем складок походившей на / остановившееся море* («Дидона и Эней»); *Лунной ночью / запоминать тяжелые речные волны, / блестящие, словно складки поношенных / брюк* («Определение поэзии»); *...плотный молочный пар, / выдыхаемый всплывшею Амфитритой / и ее nereидами!* («Сан-Пьетро»); *Либо -- пляской волн, отражающих как бы в вялом / зеркале творящееся под одеялом* («Новый Жюль Верн»).

2. И Бродскому нравится всесторонне описывать реалии водной стихии при помощи причастных оборотов, поэтому в свои поэтические произведения он включает в описание сразу несколько таких синтаксических конструкций, создавая тем столь характерный для его поэтического творчества сложный синтаксис, ср.:

• два причастных оборота, характеризующих одно слово – наименование реалий водной стихии:

▶ не соединенных при помощи специальных грамматических средств: *...запачканный кровью, / укатанный лыжами снег* («Когда подойдет к изголовью...»); *В облике многих вод, / бегущих на нас, рябь, / встающих там на дыбы* («Моллюск»); в том числе, с вынесением последующего причастного оборота в положение вставной конструкции: *...подобны сильно обглоданной – стесанной до икры! -- / рыбе* («Робинзонада»);

• четыре причастных оборота:

▶ три из которых не соединены между собой специальными грамматическими средствами, а последний присоединен при помощи сочинительного союза *и*: *Из слез, дистиллированных зрачком, / гортань мне омывающих, наружу / непуценных и там, под мозжечком, / образовавших ледяную лужу* («Отрывок»);

▶ не соединенных между собой специальными грамматическими средствами двух пар причастных оборотов, соединенных между собой при помощи сочинительных союзов *и* и *но*: *...как снег, / опушавший изморозью, точно хвою, края / местоимений и превращавший "я" / в кристалл, отливавший твердою бирюзой, / но таявший после твоей слезой* («Келломайки»).

3. Встречается и обратное построение, когда несколько главных слов художественно описываются одним причастным оборотом, при этом весь причастный оборот находится на предыдущей до главного слова строке:

- (только) в препозиции по отношению к главному слову, ср. в частности, строки, где:

▶ четыре наименования артефактов, связанных с водной стихией, соединены без специальных грамматических средств: *Вытащенные из воды / лодки, баркасы, гондолы, плоскодонки* («Сан-Пьетро»);

▶ два наименования водных пространств соединены при помощи специального

грамматического средства (сочинительного разделительного союза *или*): *О, водоемы лета! Чаще / всего блестящие где-то в чаще / пруды или озёра* («Эклога 5-я (летняя)»);

▶ два наименования мифических существ, лишь одно из которых связано с водной стихией, соединены при помощи специального грамматического средства (сочинительного соединительного союза *и*), в частности с дистантным расположением главного слова и причастного оборота: *Изваянные в мраморе сатур / и нимфа* («*Postaetatennostram*»).

Как показывает описанный выше материал, употребление причастных оборотов в качестве атрибутивной характеристики акватических номинаций в поэзии Иосифа Бродского имеет целый ряд особенностей, обусловленных:

1) структурой причастного оборота (с количественным составом входящих в причастный оборот элементов),

2) синтаксическим употреблением причастных оборотов по отношению к главному слову – акватической номинации, а именно:

а) по расположению слов, входящих в причастный оборот, на одной строке вместе с главным словом – акватической номинацией или на нескольких строках;

б) по расположению в препозиции / постпозиции причастного оборота по отношению к главному слову – акватической номинации;

в) с дистантным расположением причастного оборота по отношению к главному слову – акватической номинации;

3) количеством причастных оборотов, употребленных для характеристики акватических номинаций;

4) количеством главных слов, охарактеризованных одним причастным оборотом.

Таким образом, создаваемый при помощи причастных оборотов столь характерный для поэтического творчества И. Бродского сложный синтаксис оказывается значимой характеристикой идиостиля автора.

Список литературы

1. Александрова А.А. Мифологемы воды и воздуха в творчестве Иосифа Бродского: дис. канд. филол. наук. М. 2007. 224 с.

2. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.

3. Бродский И. Стихотворения и поэмы (основное собрание)// Lib.ru: Библиотека Максима Мошкова Режим доступа: lib.ru/BRODSKIJ/brodsky_poetry.txt (Дата обращения: 14.11.2017).

4. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Независимая газета, 2000. 328 с.

5. Вольнец Т.Н. Причастие в идиостиле писателя // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2001. С. 302-320.

6. Галдин Е.В. Концепт ВОДА как полевая структура и способы его выражения в русском языке: на материале поэтических текстов И.А. Бродского: дис.канд.филол. наук.Пятигорск, 2006. 175 с.

7. Келебай Е. Поэт в доме ребенка. (Пролегомены к философии творчества Иосифа Бродского). М.: Книжный дом «Университет», 2000. 336 с.

8. Кудимова М. Столько большой воды. Аквапоэтика: Иосиф Бродский, Александр Пушкин, Илья Тюрин// И.Н. Тюрин. Погружение / сост. М.В. Кудимова. М.: ОГИ, 2003. 334 с. Режим доступа:<http://www.promegalit.ru/publics.php?id=7734> (Дата обращения: 18.01.2017).

9. Куллэ В.А. Поэтическая эволюция Иосифа Бродского в России. (1957—1972): дис. канд. филол. наук. М., 1996. 246 с.

10. Лотман М. С видом на море: Балтийская тема в поэзии И. Бродского // Таллинн. 1990. № 2. С. 113-117.

11. Полухина В.П. Поэтический автопортрет Бродского // Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба. Итоги трех конференций. Спб.: Журнал «Звезда», 1998. С. 145-153.

12. Разумовская А.Г. Сотворение «фонтанного мифа» в творчестве Бродского// Поэтика Иосифа Бродского. Сборник научных трудов, Тверь, 2003. С. 140-156.

13. Ранчин А.М. «На пиру Мнемозины...»: Интертексты Бродского. М.: НЛО, 2001. 464 с. URL: <http://coollib.com/b/249351/read>(дата обращения 30.01.2017).

14. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 1. 789 с.

15. Твердохлеб О.Г. Местоимение и согласованные с ним причастные формы в поэзии Иосифа Бродского: синтаксические особенности // NovaInfo.Ru. 2017. № 58. Т. 3. С. 270-278.

16. Твердохлеб О.Г. Растительные реалии и их атрибутивная характеристика одиночными причастными формами в поэтическом тексте Иосифа Бродского // Филологический аспект. 2017. № 1. С. 107-120.

17. Твердохлеб О.Г. Причастия в афоризмах // Язык и культура. 2016. № 2 (34). С. 85-97.

Информация о авторе:

Твердохлеб Ольга Геннадьевна,
Кандидат филологических наук, доцент,
Оренбургский государственный педагогический
университет, г. Оренбург, Россия

Information about author:

Tverdokhlebo Olga Gennadjevna,
Candidate of philological Sciences, Assistant Professor,
Orenburg State Teacher Training University,
Orenburg, Russian

Охрана природы и здоровья человека: новые решения в медицине, биологии и экологии

УДК 616.12-008.331.1-057.875-07:616.89-008.45\48

В.М. Баев

СНИЖЕНИЕ КОГНИТИВНЫХ ФУНКЦИЙ У СТУДЕНТОВ ПРИ АРТЕРИАЛЬНОЙ ГИПОТЕНЗИИ: ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

*Пермский государственный медицинский университет
имени академика Е.А. Вагнера*

Аннотация. Обследованы 46 женщин-студентов ВУЗов в возрасте 18-25 лет. Проведен сравнительный анализ умственной работоспособности и утомляемости по Е. Краепелин между 36 женщинам с идиопатической артериальной гипотензией (САД 98 мм рт.ст. и менее) и 10 женщинами с нормальным артериальным давлением (САД 120-129 мм рт.ст. и ДАД 80-89 рт.ст.). Затем 20 женщин приняли внутрь 1 таблетку лекарственного средства «Бекарбон», через 1 час им измерили САД, ДАД и ЧСС и повторно выполнили тест по Е. Краепелин. Результаты показали, что в начале пробы 81% женщин с гипотензией принимали ошибочные решения, что сопровождалось увеличением более чем в два раза числа ошибок, чем отмечено у студентов с нормальным артериальным давлением. Через 1 час после приема «Бекарбона» у женщин с гипотензией отмечено повышение уровня артериального давления, а результаты повторного тестирования показали, что у студентов с гипотензией повысилась умственная работоспособность на 26%, отмечено увеличение числа решенных задач как за первые 20 секунд на 29 %, так и за последние 20 секунд – на 33%.

Выводы. Проблема качества обучения студентов-женщин в вузе могут быть обусловлена артериальной гипотензией, которая проявляется снижением умственной трудоспособности и утомляемостью. Использование препарата «Бекарбон» при гипотензии у женщин способствует повышению уровня артериального давления и улучшению когнитивных функций, что требует дальнейших исследований в данном направлении.

Ключевые слова: студент, умственная трудоспособность, утомляемость, артериальная гипотензия.

V.M. Baev

DECREASE OF COGNITIVE FUNCTIONS IN STUDENTS WITH ARTERIAL HYPOTENCY: WAYS TO SOLVE THE PROBLEM

Perm State Medical University named after academician E.A. Wagner

Abstract. A total of 46 female university students aged 18-25 were examined. A comparative analysis of mental performance and fatigue by E. Kraepelin between 36 women with idiopathic arterial hypotension (SBP 98 mmHg or less) and 10 women with normal arterial pressure (SBP 120-129 mmHg and DBP 80- 89 Hg). Then 20 women took inside 1 tablet of the drug "Becarbonum", after 1 hour they measured SBP, DBP and heart rate and repeated the test for E. Kraepelin. The results showed that at the beginning of the trial, 81% of women with hypotension took erroneous decisions, which was accompanied by an increase of more than twice the number of errors than observed in students with a normal arterial name. 1 hour after taking "Becarbonum" in women with hypotension, there was an increase in the level of blood pressure, and the results of repeated testing showed that students with hypotension increased mental performance by 26%, an increase in the number of solved problems as in the first 20 seconds by 29% and for the last 20 seconds - by 33%.

Conclusions. The problem of the quality of training of female students in a university may be due to arterial hypotension, which is manifested by a decrease in mental capacity for work and fatigue. The use of the drug "Becarbonum" with hypotension in women helps to increase blood pressure and improve cognitive function, which requires further research in this direction.

Key words: student, mental capacity for work, fatigue, arterial hypotension.

Введение. Проблема качества обучения в вузе является актуальной на всех уровнях – от студента до государства [1]. Однако обучаемость может зависеть не только от умения преподавателей методам обучения и оснащенностью учебными средствами, но и уровнем усвоения знаний и практических навыков со стороны студента [2]. Умение успешно учиться является сегодня одной самой малоизученных тем в образовании. Имеющиеся научные исследования в данном направлении указывают, что частой причиной снижения обучаемости являются проблемы здоровья студентов, в частности наличие низкого артериального давления (гипотензии).

Целью исследования было изучение умственной трудоспособности и утомляемости у студентов с артериальной гипотензией в процессе коррекции артериального давления.

Материалы и методы исследования. Объект исследования – 46 студенток-женщин в возрасте 18-25 лет с идиопатической артериальной гипотензией (ИАГ). Предмет исследования – умственная работоспособность и утомляемость при

психоэмоциональной нагрузке. Тип исследования – динамический. Критерием ИАГ считали уровень САД равный 98 мм рт.ст. и ниже [3]. Нормальное АД определяли, как САД 120-129 мм рт.ст. и ДАД как 80-84 мм рт.ст. [4]. Использовали тонометр A&D UA-777 (AGD Company Ltd., Япония, 2012). Исследование состояло из двух этапов. На первом этапе было сформировано две группы – тестовая (с ИАГ) из 36 человек и контрольная (с нормальным артериальным давлением) из 10 человек. В данных группах изучали уровень АД, САД, ЧСС и умственную трудоспособность, и утомляемость с помощью психоэмоциональной нагрузки (ПЭН) по методу Е. Краепелин [5]. Характеристика женщин представлена в таблице 1.

Таблица 1

Характеристики тестовой и контрольной групп

Параметр	Тестовая группа n=36	Контрольная группа n=10	P
	Медиана (25%-75%)		
Возраст, лет	19(18-21)	20(18-22)	> 0,05
Рост, см	159(157-164)	161(156-168)	> 0,05
Вес, кг	50(48-52)	55(51-58)	< 0,05
САД, мм рт.ст.	97(94-98)	122(120-123)	< 0,05
ДАД, мм рт.ст.	64(61-71)	79(70-80)	< 0,05
ЧСС, в мин	77(68-85)	74(69-78)	> 0,05

Примечание: P – уровень значимости различия

На втором этапе исследования 20 женщинам тестовой группы, через 1 час после однократного приема лекарственного препарата средства «Бекарбон» (состав: 1 таблетка содержит экстракт красавки густого 0,01 г и натрия гидрокарбоната 0,3 г.), повторно измеряли уровень САД, ДАД, ЧСС и выполняли тест Е. Краепелин. *Этические вопросы.* Лица, допущенные к обследованию, дали письменное согласие на участие в настоящем исследовании. План и дизайн исследования одобрен этическим комитетом университета. *Статистический анализ* проводился с помощью программы «Statistica 6.1». Сравнение параметров двух независимых групп оценивали по *Mann-Whitney U-test*; сравнение частот разных групп по χ^2 ; сравнение количественных параметров одной группы в динамике с помощью критерия *Wilcoxon*; сравнение долей в динамике одной группы выполняли с помощью таблиц сопряженности по критерию *McNemar's*. Различия статистически значимыми считали при $p < 0,05$.

Результаты. Исследование показало, что женщины тестовой группы выполняют сложения пар чисел с такой же скоростью и правильностью, как и женщины контрольной группы (табл.2).

Анализ качественной характеристики утомляемости выявил, что в начале пробы женщины тестовой группы совершили больше ошибок, чем в контрольной группе. К концу пробы женщины тестовой группы ошибались достоверно реже (более чем в два раза), показав успешную обучаемость ($p < 0,05$). В контрольной группе отмечено увеличение ошибок к окончанию пробы, но достоверность различия ее не была подтверждена ($p < 0,05$). В начале пробы доля ошибающихся женщин в тестовой группе была в два раза больше (81%), чем в контрольной группе (40%), при $p < 0,05$. К моменту окончания пробы тестовая группа характеризовалась достоверным уменьшением доли ошибающихся женщин более чем в 13 раз (с 81% до 6%). В контрольной группе частота ошибающихся женщин женщины в процессе нагрузки достоверно не изменилась (с 40% до 50%), при $p > 0,05$.

На втором этапе исследования выявлено, что через час после приема «Бекарбона» увеличиваются САД, ДАД и ЧСС (табл. 3).

Таблица 2

Сравнительный анализ результатов психоэмоциональной пробы между тестовой и контрольной группами

Параметр	Тестовая группа, n=36	Контрольная группа, n=10	P
	Медиана, (25%-75%)		
Выполнено сложений	97(88-132)	112(91-124)	> 0,05
Сделано ошибок	6(3-9)	7(4-10)	> 0,05
Умственная работоспособность			
- количественная оценка	0,53(0,47-0,72)	0,61(0,49-0,67)	> 0,05
- качественная оценка	0,04(0,03-0,13)	0,08(0,04-0,10)	> 0,05
Умственная утомляемость			
- количественная оценка	0,64(0,60-0,78)	0,60(0,53-0,66)	> 0,05
- качественная оценка	0,9(0,9-1,0)	1,0(0,8-1,0)	> 0,05

Примечание: P – уровень значимости различия

Таблица 3

Показатели кровообращения женщин с ИАГ до и через 1 час после приема препарата «Бекарбон», (n=20)

Параметр	Исходно	После приема	P
	Медиана (25 %-75 %)		
САД, мм рт.ст.	94(92-96)	108(106-112)	< 0,05
ДАД, мм рт.ст.	65(62-67)	73(68-77)	< 0,05
ЧСС, в мин.	68(63-75)	72(66-76)	< 0,05

Примечание: P – уровень значимости различия

Сравнительный анализ результатов пробы с ПЭН до и через 1 час после приема «Бекарбона» показал, что на 26% увеличилось число выполненных сложений ($p < 0,05$). Отмечено увеличение числа решенных задач как за первые 20 секунд на 29% ($p < 0,05$), так и за последние 20 секунд – на 33% ($p < 0,05$). Общее число ошибок за период выполнения ПЭН у женщин с ИАГ после приема препарата снизилось на 17% ($p < 0,05$). Однако число ошибок за первые и за последние 20 секунд пробы не изменилось. Прием «Бекарбона» приводит к уменьшению числа женщин, выполнивших ПЭН с ошибками. Эта динамика характерна не только для общего количества ошибающихся женщин, но для тех, кто ошибся за первые и последние 20 секунд пробы (табл. 4).

Таблица 4

Доли женщин, совершивших ошибки до и через 1 час после приема препарата «Бекарбон», (n=20)

Параметр	Исходно	После приема	P
	Абс., (%)		
Количество женщин, совершивших ошибки за все время ПЭН	17(85 %)	14(70 %)	< 0,05
Количество женщин, совершивших ошибки за первые 20 сек. ПЭН	3(15 %)	4(20 %)	< 0,05
Количество женщин, совершивших за последние 20 сек. ПЭН	3(15 %)	2(10 %)	< 0,05

Примечание: P – уровень значимости различия

Обсуждение. Большинство авторов, изучающих пациентов с низким кровяным давлением, отмечают наличие церебральной гипоперфузии, обусловленной низким тоном артерий и физическими свойствами крови [6], гипотрофией сердца со

сниженной сократимостью [7], которые приводят к развитию многочисленных жалоб и когнитивному дефициту, вплоть до депрессии [8, 9]. Когнитивные дефициты при гипотензии были и ранее описаны, например, М. Costa у 25 студентов с гипотонией (САД < 100 мм рт.ст. и ДАД < 60 мм рт.ст.) зарегистрировал снижение количества запоминания слов из предложенного списка, более низкую скорость умственной работы и сниженное внимание по сравнению с 22 студентами с нормальным давлением [10]. К аналогичному мнению пришел S. Duschek, который у 40 человек с гипотензией выявил связь между скоростью кровотока в средней мозговой артерии и когнитивной активностью, у 40 человек с нормальным давлением такой связи выявлено не было [11]. В нашем исследовании доказано, что женщины с гипотензией выполняют сложения пар чисел с такой же скоростью и правильностью, как и женщины контрольной группы. Поэтому говорить о тотальной гипоперфузии и выраженных когнитивных нарушениях у молодых женщин, вероятно, слишком пессимистично, так как в ряде исследований было зафиксировано ускорение церебрального кровотока, как признак временной адаптационной реакции [12]. Этим мы можем объяснить частичное снижение когнитивных функций при нагрузке и последующее их быстрое восстановление.

Мы у студентов-женщин с ИАГ зафиксировали главный положительный эффект «Бекарбона» - достоверное увеличение параметров гемодинамики, даже с учетом однократной, небольшой дозы «Бекарбона». Выявленный эффект применения «Бекарбона» при ИАГ указывает на стимуляцию когнитивных функций, которая обусловлена, как мы предполагаем, увеличением мозгового кровотока [13]. Увеличение сократительной функции сердца и ускорение скорости церебрального кровотока является характерной фармакологической реакцией сердечно-сосудистой системы на использование м-холинолитиков [14]. Описано, что М-холинолитики в терапевтических дозах стимулируют мозговой кровоток и высшее церебральные центры, увеличивая частоту и глубину дыхания за счет дилатации бронхов (что очень важно для лечения гипоксии) и уменьшает брадикардию, характерную для ваготонии [15].

Выводы. Проблема качества обучения студентов-женщин в вузе могут быть обусловлена состоянием здоровья, в частности, наличием артериальной гипотензии, которая проявляется снижением умственной трудоспособности и утомляемостью. Использование препарата «Бекарбон» способствует повышению уровня артериального давления и улучшению когнитивных функции студентов-женщин с артериальной гипотензией, что требует дальнейших исследований в данном направлении.

Список литературы

1. Иманкулов А.Э. Управление качеством обучения как педагогическая проблема // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2016. №2-2 (63). С. 30-35.
2. Хабалова Л.М. Проблема качества образования и качества обучения в педагогическом вузе // Современные технологии в образовании. 2015. № IV. р. 262-266.
3. Самсонова О.А. Особенности ультразвуковой визуализации вен нижних конечностей у женщин с низким артериальным давлением / Актуальные вопросы медицины – 21 век: материалы международного научного конгресса. Пермь. 2016. Т.1. с.63-66.
4. 2013 ESH/ESC Guidelines for the management of arterial hypertension. The Task Force for the management of arterial hypertension of the European Society of Hypertension (ESH) and of the European Society of Cardiology (ESC) // European Heart Journal. 2013. № 34. р. 2159–2219.
5. Елисеев О.П. Практикум по психологии личности / СПб.: Издательский дом "Питер", 2010; 507 с.
6. Баев В.М. Синдром неспецифических гемореологических нарушений (феномены высокой и низкой вязкости цельной крови) // Тромбоз, гемостаз и реология.

2001. № 2. С. 39.

7. Кудрявцева Е.Н. Особенности кардиальной и церебральной гемодинамики, социально-психологической адаптации и качества жизни у молодых женщин с идиопатической артериальной гипотензией: автореф. дис... канд. мед. наук. Пермь. 2016. 18 с.

8. Baev V.M., Koryukina I.P., Kudryavtseva E.N. et al. Self-Rating of Mental Status and Depression; Autonomic Nervous System Disbalance in Young Women with Low Blood Pressure // World Journal of Medical Sciences. 2013. №8(4). p.382–86. DOI: 10.5829/idosi.wjms.2013.8.4.1125.

9. Paterniti S., Verdier-Taller M., Geneste C. et al. Low blood pressure and risk of depression in the elderly // British journal of Psychiatry. 2000. №176. p. 464–467.

10. Costa M., Stegagno L., Schandry R. et al. Contingent negative variation and cognitive performance in hypotension // Psychophysiology. 1998. №35. p.737– 744.

11. Duschek S., Schandry R. Deficient adjustment of cerebral blood flow to cognitive activity due to chronically low blood pressure // Biological Psychology. 2006. №72(3). p. 311–317.

12. Baev V.M., Koryukina I.P., Kudryavtseva E.N. et al. High mean blood flow velocity and the level of peripheral resistance in the common carotid artery in young women with low blood pressure // World Applied Sciences Journal. 2014. Т. 30. № 2. p. 199-202.

13. Becker D.E. Basic and Clinical Pharmacology of Autonomic Drugs // Anesth Prog. 2012. №59(4). p.159–169. doi: 10.2344/0003-3006-59.4.159.

14. Lancaster R. Pharmacology in Clinical Practice. Elsevier. 2013. 612 p.

15. Mann D.L., Zipes D.P., Libby P. et al. Braunwald's Heart Disease E-Book: A Textbook of Cardiovascular Medicine / Elsevier Health Sciences. 2014. 2136 p.

Информация об авторе:

Баев Валерий Михайлович,

Доктор медицинских наук, профессор,
Пермский государственный медицинский университет
имени академика Е.А. Вагнера, г. Пермь, Россия

Information about author:

Baev Valeriy Mikhailovich,

Doctor of Medical Sciences, professor,
Perm State Medical University named after
Academician E.A. Wagner, Perm, Russia

УДК 624.07+721.25+652.52(045/046)

А.М. Зулпуев, К.Т. Темикеев, У.Б. Мамытов, А.А. Мещеряков

**ИССЛЕДОВАНИЕ СОВМЕСТНОЙ РАБОТЫ РАЗНОТИПНЫХ
ВЕРТИКАЛЬНЫХ НЕСУЩИХ КОНСТРУКЦИЙ МНОГОЭТАЖНЫХ
ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ С УЧЕТОМ ПОДАТЛИВОСТИ
МЕЖДУЭТАЖНЫХ ДИСКОВ ПЕРЕКРЫТИЙ В СВОЕЙ
ПЛОСКОСТИ**

*Баткенский государственный университет,
Кыргызский государственный университет строительства транспорта и
архитектуры им. Н. Исанова*

Аннотация: В данной работе приводится методика расчета несущих конструкций многоэтажных зданий и сооружений как пространственно-деформируемых систем, с учетом податливости дисков междуэтажных перекрытий в своей плоскости. Рассмотрен случай, когда в здании и сооружении имеются две сплошные и одна проемная диафрагмы жесткости. Междуэтажные перекрытия моделированы в виде многопролетной, неразрезной, балки-стенки на упруго-оседающих опорах.

Ключевые слова: многоэтажные здания и сооружения, пространственно-деформируемая система, податливость дисков междуэтажных перекрытий, проемная диафрагма, эффект перераспределения, практические рекомендации.

UDC 624.07+721.25+652.52(045/046)

A.M. Zulpuev, K.T. Temikeev, U.B. Mamytov, A.A. Mesheryakov

**RESEARCH COLLABORATION DIFFERENT TYPES VERTICAL
BEARING STRUCTURAL CONSTRUCTIONS OF MULTI-FLOOR
BUILDINGS AND STRUCTURES WITH THE SUPPLE ALLOWANCE
BETWEEN THE FLOORS OF OVERLAPPERS IN THEIR PLANE**

*Batken State University,
Kyrgyz State University of constructions, transport and architecture named
after N. Isanov*

Abstract: In this paper, a method is given for calculating the load-bearing structures of multi-storey buildings and structures as spatially deformable systems, taking into account the compliance of the discs of interstorey floors in

their own plane. The case is considered when in the building and construction there are two continuous and one opening diaphragm of rigidity. Intermediate floors are modeled as a multi-span, continuous, beam-wall on elastic-settling supports.

Key word: multi-storey buildings and structures, spatially deformable system, compliance of interstorey floor disks, aperture diaphragm, redistribution effect, practical recommendations.

Податливость дисков междуэтажных перекрытий в своей плоскости, обусловленная многими факторами и существенно сказывается при расчете несущих конструкций многоэтажных зданий и сооружений, как пространственно-деформируемых систем, при горизонтальных воздействиях [5; 12]. Особенно сильно это проявляется, когда в плане здания находится ряд разнотипных, глухих и проемных, вертикальных диафрагм жесткости [1; 10].

В работе [4; 7 и др.] приведена общая методика расчета несущих конструкций многоэтажных зданий и сооружений, как пространственно деформируемых систем, с учетом податливости дисков междуэтажных перекрытий в своей плоскости, когда в плане здания имеется $(n+1)$ вертикальных диафрагм жесткости. В настоящей статье нами исследуется пространственная работа несущих конструкций многоэтажных зданий и сооружений, когда в связевой системе разнотипные вертикальные диафрагмы жесткости рис. 1.

Рассмотрим случай, когда в системе имеется две сплошные и одна проемная диафрагма, как показано на рис. (1), (2). По принятой расчетной схеме имеем:

$$q_I = q_0 + q_2 \quad (1)$$

$$q_{II} = q_1$$

$$\begin{aligned} Y_I = Y_o = Y_2 \\ Y_{II} = Y_1 \end{aligned} \quad (2)$$

где: q_I, q_{II} - поперечная нагрузка, приходящаяся на диафрагмы I и II.

Y_I, Y_{II} - прогибы диафрагмы I и II.

Общий изгибающий момент M , действующий на вертикальные несущие элементы для рассматриваемого случая, будет равен [8; 14]

$$M = M_I + M_{II} \quad (3)$$

соответственно прогибы диафрагм I и II определяются из выражений

$$\begin{aligned} Y_I'' &= -\frac{M_I}{\Sigma B_I} \\ Y_{II}'' &= -\frac{M_{II} - N_{II} b_{II}}{\Sigma B_{II}} \end{aligned} \quad (4)$$

При этом выражение для определения усилия взаимодействия между диафрагмами I, II и III по плоской (рис. 2) и пространственной расчетным схемам (рис. 1), определится из условия [3; 18]

$$r = \phi(Y_{II} - Y_I) \quad (5)$$

Система дифференциальных уравнений для отыскания основных неизвестных M_I, r_I, N_{II} , согласно [2; 11] представится в виде:

$$N''_{II} = \lambda_{II}^2 N_{II} - \frac{M - M_I}{S_{II} \Sigma B_{II}}$$

$$M''_I = -q_I^H - r_I \quad (6)$$

$$r''_I = V_{I,I} \cdot \left[-\frac{M - M_I - N_{II} b_{II}}{\Sigma B_{II}} + \frac{M_I}{\Sigma B_I} \right]$$

которая решается при следующих граничных условиях [17; 20]

$$N_{II}(0) = 0, N'_{II}(H) = 0; M_I(0) = 0, M'_I(0) = 0 \quad (7)$$

$$r(H) = 0 \text{ и } r'(H) = 0.$$

б)

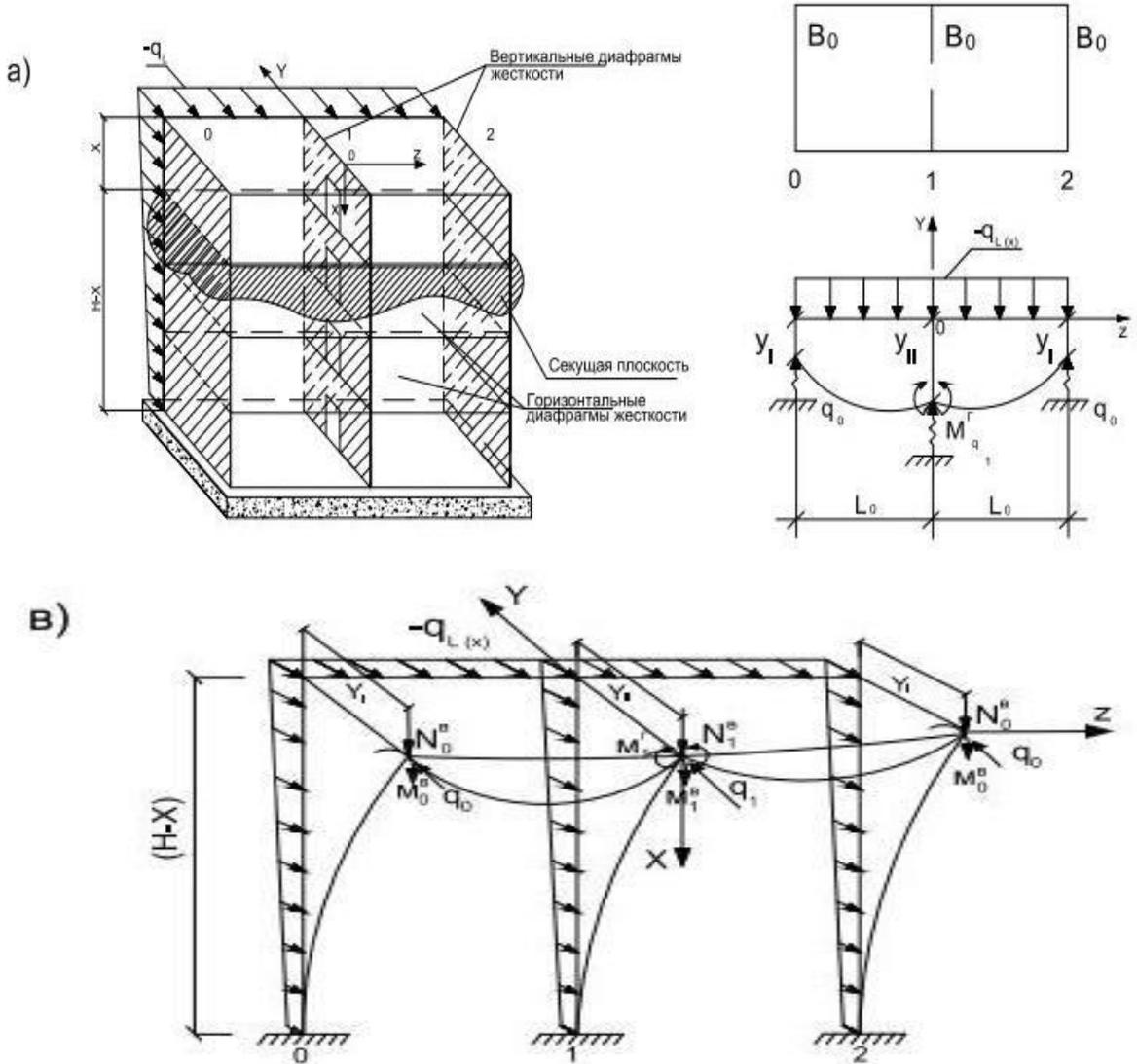

Рисунок 1 - а) Пространственная расчетная схема при трех диафрагмах; б) Схема деформирования междуэтажного перекрытия в сечении "XГ"; в) Схема деформирования вертикальных элементов в сечении "X"

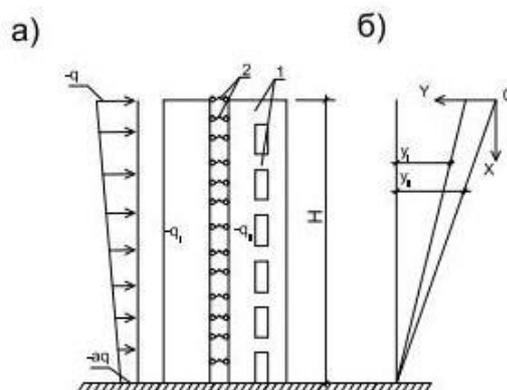

Рисунок 2 - а) Плоская расчетная схема при трех диафрагмах: 1-перемычки; 2-упругие связи (податливые перекрытия); б) Система координат

Пример.

В качестве примера рассмотрим многоэтажное здание с двумя сплошными и одной проемной диафрагмами в плане рисунок 1(а).

Решение системы дифференциальных уравнений равновесия (6) с учетом (7) для рассматриваемого случая было произведено по программному комплексу «Авторяд ЕС» разработанный авторским коллективом в составе Преснякова Н.И., Люблинского В.А. и Шакирова М.С. при следующих исходных данных

$$\begin{aligned}
 E_n = E_I = E_2 = E &= 3 \times 10^9 \text{ кг/м}^2 \\
 G &= 1.2 \times 10^9 \text{ кг/м}^2 \\
 \mu &= 1,2; L_I = L_2 = 18 \text{ м}; W = 12 \text{ м} \\
 h &= 2,8 \text{ м}; \text{ число этажей } -n = 15; \\
 H &= 42 \text{ м}; \\
 \Sigma B_I &= 50,6 \text{ Е кг.м}^2 \text{ (прямоугольное сечение)}; \\
 \Sigma B_{II} &= 4,16 \text{ Е кг.м}^2 \text{ (прямоугольное сечение с проемом в средней части)}; \\
 F_I = F_2 &= 1,0 \text{ м}^2; \quad b_{II} = 6,5 \text{ м}
 \end{aligned}$$

$$\begin{aligned}
 q &= 1080 \text{ кг/м (постоянная по высоте здания)} \\
 t &= 22 \text{ см (толщина междуэтажных железобетонных перекрытий)} \\
 J_n &= 0,001147 \text{ м}^4 \text{ (изгибная жесткость перемычек)} \\
 \ell_n &= 1,5 \text{ м}; \\
 \lambda_{II} &= 0,133 \\
 \lambda_{II} H &= 5,59 \\
 J &\text{ – момент инерции междуэтажного перекрытия} = 19 \text{ м}^4 \\
 F &\text{ – площадь сечения междуэтажного перекрытия} = 1,725 \text{ м}^2 \\
 \kappa &= 2,26 \times 10^9; \\
 \kappa \cdot \delta &= 66,0 \\
 m &= 0,824; \\
 q / 2L_I &= 30 \text{ кг/м}; \\
 q_I^H &= 436,3 \text{ кг/м} \\
 \varphi &= 18 \times 10^6 \text{ кг/м}; 10\varphi = 180 \times 10^6 \text{ кг/м}; \varphi/5 = 3,6 \times 10^6 \text{ кг/м}; \varphi \rightarrow \infty
 \end{aligned}$$

В системе дифференциальных уравнений равновесия (6) имеются следующие основные параметры: $\varphi, \Sigma B, \eta, \lambda_{II} H$ и ω

где:

$$\varphi = \frac{\kappa_1(3 - 2m_1)}{2 - m_1} \cdot \frac{2}{L_1^2}$$

$$\Sigma B = \Sigma B_I + \Sigma B_{II};$$

$$\eta = \frac{L_1}{W} \quad (8)$$

$$\omega = \frac{\Sigma B_I}{\Sigma B_I + \Sigma B_{II}}$$

Результаты расчета при разных φ представлены в таблице 1, эпюры $r(-)$, $q_I(-)$, $q_{II}(-)$ приведены на (рис. 3, 4, 5 и 6)

Таблица 1

Результаты расчёта при разных φ

X м	$r(-)$ кг/м	$q_I^H(-)$ кг/м	$q_I(-)$ кг/м	$q_{II}(-)$ кг/м
$\varphi = 18 \times 10^6$ кг/м				
0	15	478	493	587
8,4	462	478	940	140
16,8	310	478	1088	-8
25,2	659	478	1137	-57
33,6	527	478	1005	75
42,0	0	478	478	602
$10 \varphi = 180 \times 10^6$ кг/м				
0	-112	478	366	714
8,4	541	478	1019	61
16,8	584	478	068	18
25,2	668	478	1146	-66
33,6	759	478	1237	-157
42,0	0	478	478	602
$\varphi/5 = 3,6 \times 10^6$ кг/м				
0	170	478	618	432
8,4	341	478	819	261
16,8	420	478	898	182
25,2	392	478	870	210
33,6	235	478	713	367
42,0	0	478	478	602
$\varphi \rightarrow \infty$ (абсолютно жесткий диск перекрытия)				
0	$P = \pm 2211$ кг	478	1001	99
8,4		478	914	166
16,8		478	923	157
25,2		478	1017	63
33,6		478	1224	-144
42,0		478	1599	-519

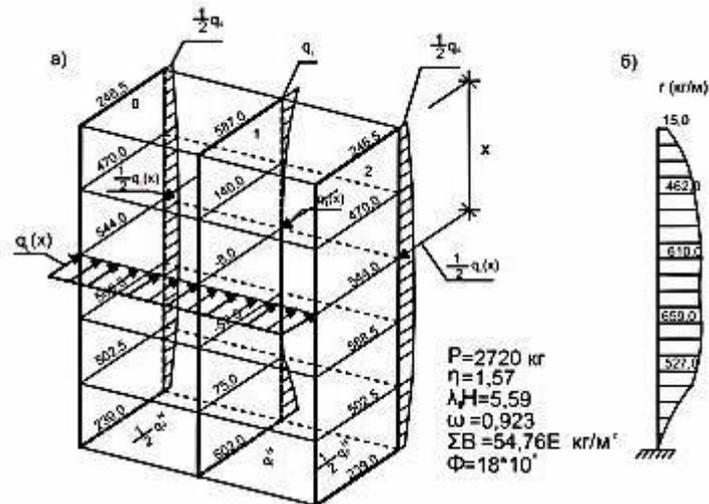

Рисунок 3 - а) эпюра распределения нагрузки "q" между диафрагмами 0,1,2:
 б) эпюра усилия взаимодействия "r" между диафрагмами

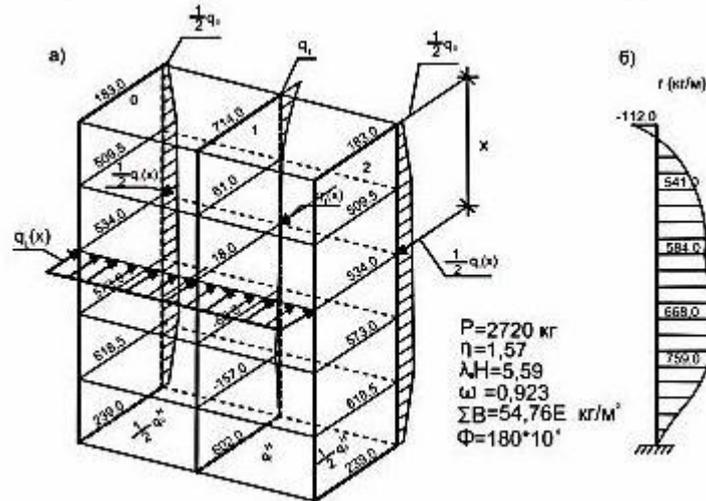

Рисунок 4 - а) эпюра распределения нагрузки "q" между диафрагмами 0,1,2:
 б) эпюра усилия взаимодействия "r" между диафрагмами.

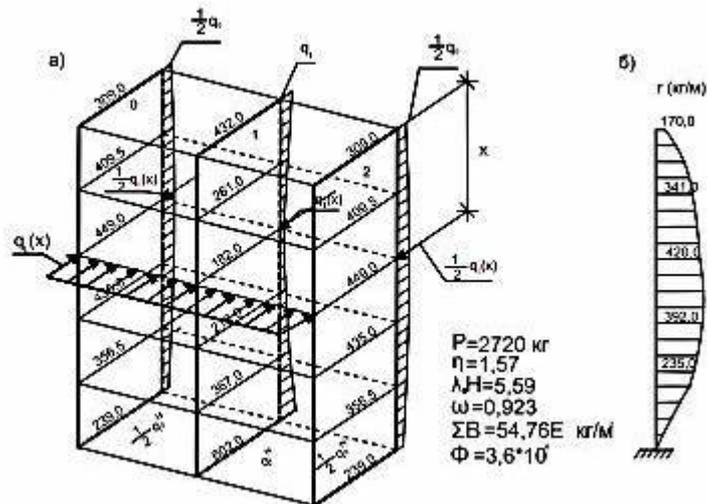

Рисунок 5 - а) эпюра распределения нагрузки "q" между диафрагмами 0,1,2:
 б) эпюра усилия взаимодействия "r" между диафрагмами.

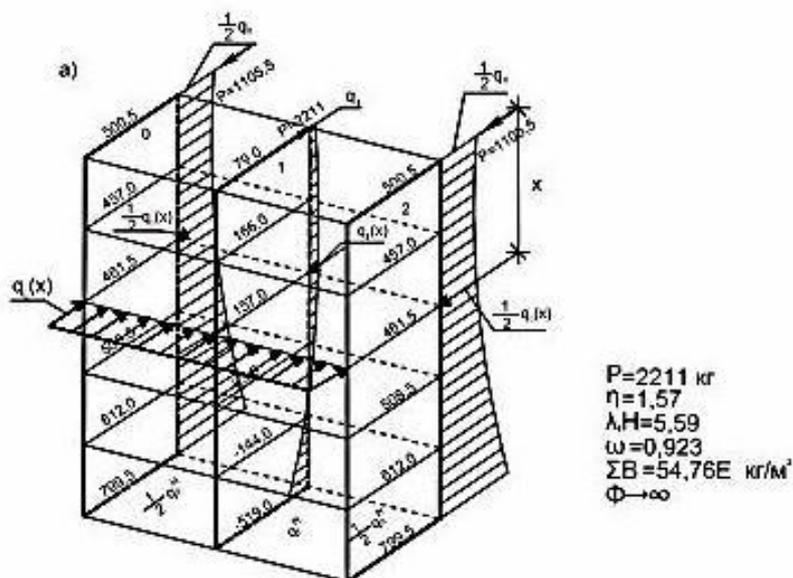

Рисунок 6 - а) эпюра распределения нагрузки "q" между диафрагмами 0,1, 2;
 б) эпюра усилия взаимодействия "г" между диафрагмами

Выводы. Методика расчета несущих конструкций многоэтажных зданий и сооружений с разнотипными диафрагмами жесткости позволяет решить следующие задачи:

1. Получить действительную картину распределения внешней нагрузки между разнотипными вертикальными диафрагмами жесткости при действии горизонтальной нагрузки [6; 16].
2. Осуществить количественную оценку перераспределения внешней горизонтальной нагрузки между разнотипными вертикальными диафрагмами жесткости при различных уровнях податливости дисков междуэтажного перекрытия [9; 13].
3. Разработать практические рекомендации по учету податливости дисков междуэтажных перекрытий в своей плоскости при расчете несущих элементов многоэтажных зданий и сооружений при действии горизонтальной нагрузки [15; 19].

Список литературы

1. Абдыкалыков А., Зулпуев А.М., Темикеев К. К вопросу оценки уровня конструктивной безопасности несущих конструкций зданий и сооружений в период проектирования и эксплуатации // Устойчивое развитие науки и образования. 2017. № 4. С. 240-247.
2. Волынская М.Г. О разрешимости одной смешанной задачи для нагруженного гиперболического уравнения // Вестник Самарского университета. Естественнонаучная серия. 2008. № 6 (65). С. 40-49.
3. Данилов Б.Б., Кондратенко А.С., Смоляницкий Б.Н., Смоленцев А.С. Совершенствование технологии проходки скважин в грунте методом продавливания // Физико-технические проблемы разработки полезных ископаемых. 2017. № 3. С. 57-64.
4. Зулпуев А.М., Темикеев К., Ганыев А.М., Асанова С.А., Турсунов И.Р. Работа железобетонных конструкций с фибровым армированием // Устойчивое развитие науки и образования. 2018. № 1. С. 188-194.
5. Зулпуев А.М., Темикеев К., Шайдилдаев М. Экспериментально-теоретические исследования предельных состояний изгибаемого элемента с зонным армированием из // Территория науки. 2017. № 6. С. 82-88.

6. Кашарина Т.П., Скибин Г.М., Кашарин Д.В., Кидакоев А.М., Григорьев-Рудаков К.В. Способ создания грунтоармированного подпорного сооружения и устройство для его осуществления // патент на изобретение RUS 2352713 31.07.2007
7. Кришан А.Л., Заикин А.И., Купфер М.С. Определение разрушающей нагрузки сжатых трубобетонных элементов // Бетон и железобетон. 2008. № 2. С. 22-24.
8. Кудяков А.И., Радина Т.Н., Свергузова Н.А. Технология получения легкого зернистого материала на основе микрокремнезема // Строительные материалы. 2002. № 10. С. 34.
9. Лагунова Ю.А. Разработка научно-технических основ повышения эффективности разрушения горных пород "в слое" // Диссертация на соискание ученой степени доктора технических наук. - Екатеринбург, 2009. – 289 с.
10. Платонова С.В., Криворотов А.П. Результаты расчета осадок щелевидных фундаментов с учетом пластических деформаций грунтового основания // Известия высших учебных заведений. Строительство. 1995. № 2. С. 12-16.
11. Рюмкин В.И. Проверка близких гипотез при альтернативе сдвига и непараметрической неопределенности // Обзорные прикладной и промышленной математики. 2008. Т. 15. № 2. С. 242-243.
12. Старожилова О.В. Исследование напряженно-деформированного состояния тонкостенных элементов конструкций // Вестник Уфимского государственного авиационного технического университета. 2013. Т. 17. № 4. С. 38-43.
13. Табаков П.А., Соломашкин А.А., Михлин В.М. Развитие новой методики определения допустимого износа деталей при эксплуатации // Достижения науки и техники АПК. 2011. № 7. С. 68-70.
14. Федорчук Ю.М., Похолков Ю.П., Волков А.А., Каратаев И.А., Прохорец Е.К. Анализ перспективности использования техногенного ангидрита в строительной промышленности // Экология и промышленность России. 2009. № 7. С. 54-55.
15. Хостикоев М.З. Управление геометрией инструмента в процессе обработки // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2011. № 4. С. 319-321.
16. Krishan A.L., Krishan M.A. Strength of axially loaded concrete -filled steel tubular columns with circular cross-section // Advances in Environmental Biology. 2014. Т. 8. № 7. С. 1991-1994.
17. Lukin V.P., Sazanovich V.M., Slobodyan S.M. Random image shifts during ranging in a turbulent atmosphere // Radiophysics and Quantum Electronics. 1980. Т. 23. № 6. С. 484-490.
18. Mamaev V.M., Prisyajnik A.V., Logutenko L.S., Babin Y.V. Prototropic rearrangement in fluorine-substituted hypophosphoric acid dimethylamides // Mendeleev Communications. 2001. Т. 11. № 6. С. 221-222.
19. Matseevich T., Popova M., Askadskii A., Kondrashchenko V. The dependence of the modulus of elasticity on the concentration of plasticizer // Applied Mechanics and Materials. 2014. Т. 584-586. С. 1709-1713.
20. Vlakh E.G., Pisarev O.A., Tennikova T.B., Stepanova M.A. Preparation and characterization of macroporous monoliths imprinted with erythromycin // Journal of Separation Science. 2015. Т. 38. № 16. С. 2763-2771.

Информация об авторах:

Зулпуев Абдивап Момунович,
 доктор технических наук, профессор, ректор,
 Баткенский государственный университет,
 г. Баткен, Кыргызская Республика

Information about authors:

Zulpuev Abdivap Momunovich,
 Doctor of Technical Sciences, Professor, Rector, Batken
 State University,
 Batken, Kyrgyz Republic

Темикеев Конушбек,

кандидат технических наук, профессор,
директор института строительства, экономики и
менеджмента, Кыргызский государственный
университет строительства, транспорта и
архитектуры им. Н. Исанова, г. Бишкек,
Кыргызская Республика

Мамытов Урматбек Бектурсунович,
аспирант, Кыргызский государственный
университет строительства, транспорта и
архитектуры им. Н. Исанова, г. Бишкек,
Кыргызская Республика

Мещеряков Арсений Андреевич,
аспирант, Кыргызский государственный
университет строительства, транспорта и
архитектуры им. Н. Исанова, г. Бишкек,
Кыргызская Республика

Temikeev Konushbek,

Candidate of Technical Sciences, Professor,
Director of the Institute of Construction, Economics and
Management, Kyrgyz State University of Construction,
Transport and Architecture named after N. Isanov,
Bishkek, Kyrgyz Republic

Mamytov Urmatbek Bektursunovich,
Applicant, Kyrgyz State University of Construction,
Transport and Architecture named after N. Isanov,
Bishkek, Kyrgyz Republic

Mesheryakov Arseniy Andreevich ,
Applicant, Kyrgyz State University of Construction,
Transport and Architecture named after N. Isanov,
Bishkek, Kyrgyz Republic

Правовое регулирование общественных отношений

УДК 347.191

Е.В. Булатов

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ ФОРМЕ УНИТАРНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Воронежский экономико-правовой институт

Аннотация: в этой статье анализируются организационно-правовые формы, характерные для отечественных унитарных юридических лиц, основанных на государственной форме собственности. При этом проводится соответствующий сравнительный анализ российского законодательства с законодательством ведущих западно-европейских государств.

Ключевые слова: юридические лица, государственные унитарные предприятия, некоммерческие организации, публично-правовые компании.

UDC 347.191

E.V. Bulatov

ON THE ISSUE OF THE ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORM OF UNITARY LEGAL ENTITIES

Voronezh Institute of Economics and Law

Abstract: This article analyzes the organizational and legal forms characteristic of domestic unitary legal entities based on state ownership. At the same time, an appropriate comparative analysis of Russian legislation with the legislation of leading Western European countries is conducted.

Keywords: Legal entities, state unitary enterprises, non-commercial organizations, public-law companies.

В настоящее время четко прослеживается тенденция к усилению глобализации отношений в мировой экономике и интернационализации многих ее сфер [2; 5]. Данная объективная реальность требует от нашего государства принятия адекватных мер, направленных на обеспечение конкурентоспособности национальной экономики, и актуализирует проблематику гармонизации гражданского и предпринимательского законодательства России с соответствующим законодательством других стран, прежде всего, государств Западной Европы.

Исследователи, изучавшие гражданское и хозяйственное (экономическое) право таких ведущих стран Европы, как Англия, Франция и ФРГ, выделяют три основные организационно-правовые формы хозяйствующих субъектов государственного сектора экономики в этих странах: предприятия, действующие в форме торговых обществ (акционерных или с ограниченной ответственностью); государственные предприятия унитарного типа (уставный капитал которых не разделен на акции или паи); казенные предприятия, не имеющие ни юридической, ни хозяйственной, ни финансовой самостоятельности [6; 12]. В России субъекты хозяйствования государственного сектора экономики создаются в аналогичных основных организационно-правовых формах, правда отечественные казенные предприятия в отличие от своих западноевропейских аналогов формально обладают юридической и некоторой финансово-хозяйственной самостоятельностью [1; 10]. Как видим, в целом классификация государственных хозяйственных организаций в России и ведущих странах Западной Европы совпадает. Однако принципы правовой регламентации статуса государственных организаций каждого из указанных видов существенно разнятся в России и названных западноевропейских странах.

Последний тезис более всего относим к государственным предприятиям унитарного типа, не относящимся к разряду казенных. Действительно, правовое положение государственных организаций, созданных в форме торговых (хозяйственных) обществ, как в России, так и в странах Западной Европы определяется, прежде всего, общим законодательством об акционерных и иных хозяйственных обществах, – именно поэтому совершенно справедлив вывод о том, что их правовой статус приближается к статусу коммерческих негосударственных предприятий [12]. Что же касается казенных предприятий, то несмотря на казалось бы серьезные внешние отличия в отечественном и западноевропейском подходах к определению их правового положения, реальный имущественный статус последних у нас и в европейских странах во многом схож, характеризуясь минимальной степенью оперативно-хозяйственной самостоятельности (при этом отечественный подход, признающий за казенными предприятиями права юридического лица, представляется более удачным с точки зрения эффективности их функционирования).

Применительно же к государственным хозяйственным организациям унитарного типа (не являющимся казенными предприятиями) различия в принципах регламентации их статуса между законодательством России и ведущих стран Европы налицо. Если в России основы правового положения данных юридических лиц, называемых государственными унитарными предприятиями, регулируются нормами Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) (ст. 113-114), а также специальным Федеральным законом «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях», то ни в одной из упомянутых выше стран Европы нет какого-либо единого законодательного акта, которым общим образом регулировалось бы правовое положение государственных организаций этого вида [9; 19]. В рассматриваемых европейских странах «практически каждое государственное предприятие существует на основе закона или статута, предназначенного именно для данного предприятия. Соответственно по-разному регулируются проблемы правосубъектности таких предприятий, их имущественной ответственности и их связи с органами государственного управления» [7].

Таким образом, в отличие от отечественной правовой системы в законодательстве ведущих стран Европы отсутствует единообразная юридическая регламентация правового статуса государственных хозяйственных организаций унитарного типа [4; 11]. В данной связи возникает резонный вопрос: не следует ли отечественному законодателю в рамках гармонизации нашей правовой системы с правовыми порядками стран Европы отказаться от традиционного для России подхода, предполагающего наличие централизованной нормативно-правовой базы деятельности

государственных унитарных предприятий? Исследованию этого вопроса и будет посвящена настоящая статья.

Целью статьи является обоснование конкретных предложений, направленных на сближение законодательства России и ведущих стран Западной Европы в части регламентации правового статуса субъектов хозяйствования государственного сектора экономики, и прежде всего, государственных коммерческих организаций унитарного типа.

Аналогами отечественных государственных унитарных предприятий в различных странах Европы выступают организации с разными названиями: в Англии они называются публичными корпорациями, в ФРГ они относятся к публичным учреждениям, во Франции их определяют либо как публичные предприятия, либо как публичные учреждения [7]. Но почему же в упомянутых западноевропейских государствах, как указывалось выше, нет централизованного законодательства, определяющего основы правового статуса рассматриваемых хозяйственных организаций? Думается, это можно объяснить тем, что в этих странах государственные структуры рассматриваемого типа не только занимаются хозяйственной, производственной, исследовательской либо торговой деятельностью, но наделяются и определенными регулирующими и управленческими функциями. «Они одновременно являются не только (а иногда даже не столько) хозяйственными предприятиями, но и государственными органами. При этом в разных публичных корпорациях основными могут быть либо хозяйственные задачи, либо управленческие» [7].

Представляется, что именно присутствием в деятельности западноевропейских унитарных государственных организаций функций управленческого характера и объясняется отсутствие в странах Западной Европы унифицированного подхода к регламентации правового статуса данных хозяйствующих субъектов. Ведь, управленческие функции, осуществляемые интересующими нас организациями, могут быть весьма разнообразны по своему содержанию, а значит, есть объективная необходимость в индивидуализации правового регулирования статуса этих субъектов хозяйствования.

Итак, одним из существенных признаков западноевропейских государственных хозяйственных организаций унитарного типа является органическое сочетание в их деятельности управленческих и хозяйственных (коммерческих) функций [13; 16]. Для отечественных государственных коммерческих предприятий такое сочетание, как правило, не характерно, поэтому и отказываться от унифицированной правовой регламентации их статуса российскому законодателю нецелесообразно. Кроме того, иной подход к определению правового положения государственных унитарных предприятий был бы слишком радикальным шагом с точки зрения юридических традиций нашей страны.

Вместе с тем, можно ли считать вышеназванные нормы ГК РФ и упомянутого специального Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» достаточной нормативно-правовой основой для функционирования всех государственных хозяйственных организаций унитарного типа? Думается, - нельзя, поскольку отечественной правовой системе известны и такие унитарные государственные структуры, которые помимо сугубо хозяйственной деятельности реализуют ярко выраженные управленческие и иные публично-правовые функции. К числу таких структур можно отнести, в частности, Агентство по реструктуризации кредитных организаций, Центральный Банк РФ и многие другие юридические лица. Подобные субъекты хозяйствования не преследуют в качестве основной цели своей деятельности получение прибыли и, следовательно, не могут рассматриваться как коммерческие организации. К тому же, даже согласно действующему законодательству правовой статус этих образований отличается существенной спецификой и

уникальностью. Сказанное свидетельствует о том, что вышеназванные организации нельзя отнести к государственным унитарным предприятиям; само собой разумеется, что отнести их к категории казенных предприятий также нельзя, ибо последние характеризуются рядом четко предусмотренных законом признаков, не присущих исследуемым государственным структурам.

Таким образом, учитывая тот факт, что согласно ГК РФ государственные унитарные предприятия могут действовать лишь как государственные коммерческие или казенные предприятия, следует сделать вывод о неотносимости перечисленных выше унитарных хозяйственных структур к числу государственных предприятий. Данный вывод тем более очевиден применительно к такому из упомянутых субъектов, как Центральный Банк РФ, поскольку он является финансовой организацией, а последние в силу их особого правового статуса не могут признаваться предприятиями.

Как видим, потребность в индивидуальном правовом регулировании статуса отдельных специфических государственных хозяйственных организаций существует и в рамках отечественной правовой системы [3; 18]. В данной связи опыт ведущих стран Европы представляет значительный интерес.

В Англии публичными корпорациями, имеющими индивидуальный правовой статус, являются, например, Британский совет газовой промышленности, Комитет по атомной энергии, Британская корпорация по радиовещанию Би-Би-Си, Британское управление железных дорог, Национальное управление угольной промышленности. Во Франции в качестве примера аналогичных организаций можно привести компании «Электрисите де Франс» и «Газ де Франс», Комиссариат по атомной энергии. В ФРГ подобного рода субъекты функционируют главным образом в финансово-кредитной сфере (например, Федеральный банк), а также в сфере транспорта и связи (форма публичных учреждений в ФРГ для организации промышленных предприятий не используется) [7; 12].

Думается, что для России, с учетом уже сложившейся практики правового регулирования, наиболее приемлем немецкий подход к определению возможной сферы деятельности государственных хозяйственных организаций с особым статусом – это должна быть, прежде всего, сфера предоставления финансовых услуг и транспорт (железнодорожный, воздушный и морской) [14]. Именно в этих отраслях отечественной экономики необходимость в создании унитарных государственных структур, сочетающих хозяйственную деятельность с осуществлением публичных управленческих функций, наиболее высока. Однако, в случае необходимости рассматриваемые организации, думается, могли бы создаваться и в иных отраслях, в т.ч. и в промышленности.

Теперь, наконец, мы подошли к вопросу о том, в какой организационно-правовой форме создаются и действуют в России интересующие нас государственные организации с особым статусом? Анализ действующего законодательства показывает, что они действуют в неопределенных организационно-правовых формах (включающих признаки самых разных форм хозяйствующих субъектов) либо скрываются под личиной традиционных организационно-правовых форм. На первый взгляд, с точки зрения гармонизации законодательства РФ и ведущих стран Европы такое положение вещей выглядит вполне приемлемым, ведь и в западноевропейских государствах единая организационно-правовая форма для анализируемых субъектов хозяйствования законодательно не определена, приоритет здесь отдается индивидуальной правовой регламентации их статуса. С другой стороны, юридическая доктрина западноевропейских стран все же формулирует для обозначения таких субъектов более или менее единое понятие и определяет его существенные признаки (в отечественной научной литературе по сравнительному правоведению для обозначения этих субъектов чаще всего используется понятие публичной корпорации, характерное для британской

правовой системы). Кроме того нельзя забывать о том, что, исходя из смысла действующего законодательства РФ, все юридические лица должны создаваться в определенной организационно-правовой форме, предусмотренной Гражданским кодексом (ч. 2 ст. 48 ГК РФ). Данный тезис касается и унитарных юридических лиц, к которым относятся интересующие нас государственные хозяйственные организации. Понятие же организационно-правовой формы субъекта хозяйствования по своей сути не может быть применимо лишь к конкретному индивидуальному субъекту, оно всегда охватывает собой более или менее широкую группу субъектов хозяйствования, внутреннее организационно-имущественное устройство которых характеризуется какими-то общими чертами.

Следовательно, с позиций национальной правовой системы России наиболее правильным технико-юридическим решением проблемы узаконения унитарных государственных хозяйственных организаций с индивидуальным правовым статусом было бы введение в действующее законодательство специально для них предназначенной организационно-правовой формы, самые общие контуры которой целесообразно указать в законе [17; 20]. Не следует думать, что такое решение рассматриваемого вопроса противоречит сущности индивидуального подхода к анализируемым государственным структурам, а также не способствует сближению законодательства России и стран Европы. Определение самых общих контуров организационно-правовой формы этих субъектов хозяйствования несколько не посягнет на их уникальный индивидуальный статус, зато упорядочит их правовое положение в общей системе участников хозяйственных отношений, что, безусловно, является позитивным шагом.

Следует отметить, что подходящая организационно-правовая форма, в принципе, появилась в нашей правовой системе еще в 1999 году, однако ее применение до сих пор является крайне ограниченным. Речь идет о государственных корпорациях, которые были введены в правовую систему России Федеральным законом РФ от 8 июля 1999 г. «О внесении дополнения в Федеральный закон «О некоммерческих организациях». Специфика их правового статуса состоит в том, что его особенности применительно к каждой отдельной государственной корпорации устанавливаются специальным законом, предусматривающим ее создание, и играющим роль учредительного документа, то есть правовая модель данной разновидности организаций, заведомо предполагает отсутствие единообразия и уникальность каждого относящегося к этой разновидности юридического лица. Имеются, конечно, и некоторые самые общие для всех государственных корпораций признаки: отсутствие членства, формирование имущественной базы за счет взноса государства, принадлежность имущества на праве собственности, создание с целью осуществления социальных, управленческих или иных общественно-полезных функций.

Однако, наряду с узаконенными в 1999 г. «государственными корпорациями», в 2009 г. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» зачем-то дополняет статьей, предусматривающей возможность создания «государственных компаний»; при этом юридические признаки двух названных организационно-правовых форм оказываются практически идентичными. Кроме того в 2015 г. перечень некоммерческих юридических лиц, предусмотренный ГК РФ, был дополнен такой новой разновидностью, как «публично-правовые компании»; в 2016 г. появился и специальный Федеральный закон, посвященный публично-правовым компаниям.

Несмотря на наличие в отечественном правовом порядке целых трех однотипных организационно-правовых форм, они не нашли широкого практического применения, однако, не следует думать, что практическая потребность в таких структурах не велика [15]. Напротив, фактически, в России уже существуют их аналоги, имеющие пока неопределенную конструкцию либо скрывающиеся под маской традиционных

организационно-правовых форм, в рамки которых они явно не укладываются. Для всех этих юридических лиц характерно органическое соединение функций управления с хозяйственными задачами, что, как свидетельствует зарубежный опыт, и должно быть свойственно организациям рассматриваемого типа.

Следует обратить внимание на то, что согласно российскому законодательству, государственная корпорация является собственником своего имущества. Представляется, что более корректным с позиций российской правовой системы было бы сохранение имущества государственной корпорации в собственности государства с закреплением его за самой корпорацией на ограниченном вещном праве – праве хозяйственного ведения. Кстати, в российской юридической литературе можно встретить достаточно обоснованную критику в адрес трактовки правового режима имущества государственной корпорации как права собственности [8].

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы. Явно необоснованным шагом законодателя является, по нашему мнению, сохранение в отечественной правовой системе таких трех однотипных форм некоммерческих организаций, как государственные корпорации, государственные компании и публично-правовые компании. Представляется, что для функционирования соответствующих государственных структур вполне хватило бы одной юридической конструкции; наиболее подходящим термином в данном случае мог бы служить термин «публично-правовые компании» (он в большей степени соответствует функциональному предназначению рассматриваемых юридических лиц и их унитарному структурному типу).

Представляется, что за публично-правовыми компаниями – большое будущее. Их создание в различных областях экономики позволит упростить весьма громоздкую структуру органов исполнительной власти, создать реальное связующее звено между государством и хозяйствующими субъектами.

По нашему мнению, публично-правовая компания не должна обладать правом собственности в отношении принадлежащего ей имущества. Адекватным для нее правовым режимом имущества является – право хозяйственного ведения, позволяющее государству оставаться собственником всего имущества такой компании, что в большей мере отвечает реальной сущности предполагаемой юридической конструкции.

Список литературы

1. Аблаев И.М. Организационно-экономические формы государственно-частного партнерства // Экономические науки. 2012. № 97. С. 28-31.
2. Алехина О.Ф., Воронов Н.А., Задумин А.В., Удалов О.Ф. Проблемы и направления стратегического развития промышленных предприятий // Вестник НГИЭИ. 2017. № 1 (68). С. 83-91.
3. Баранов П.П., Шпак В.Ю., Неспеянов Е.Е., Лукьянов А.И., Контарев А.А. Философия права. - Ростов-на-Дону, 2002.
4. Бирюков П.Н., Брызгалин А.В., Костюков А.Н., Красюков А.В., Пауль А.Г., Самсонова А.Е., Селюков А.Д., Стрельников В.В., Шепенко Р.А., Якушев А.О. Финансовое право Российской Федерации. - Москва, 2012. – 608 с.
5. Воронов Н.А., Грибков М.В., Удалов О.Ф. Управление: теоретическо-концептуальный и информационный аспекты // Вестник НГИЭИ. 2016. № 5 (60). С. 105-111.
6. Государственное регулирование экономики в современном мире. – М., 1971. – 214 с.
7. Гражданское и торговое право капиталистических государств: Учебник / Отв. ред. Е.А. Васильев. – М., 1993. – 554с.
8. Ершова И.В. Проблемы правового статуса государственных корпораций //

Государство и право. 2001. № 6. С. 35-41.

9. Козырский Д.А. Правовая природа отношений, регулируемых законодательством о несостоятельности (банкротстве) должника в России // Образование и право. 2016. № 4. С. 59-63.

10. Кокорев А.С. Пути повышения эффективности государственных корпораций и их взаимодействия с другими экономическими субъектами // В сборнике: Анализ общественных явлений в 2017 г. Построение прогнозов. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Москва. 2017. С. 33-37.

11. Ларин А.Ю. Правовое регулирование социально-технических отношений // Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук.- Москва, 2000. – 206 с.

12. Мамутов В.К., Чувпило А.А. Хозяйственное право зарубежных стран: Учебник. – К., 1996. – 352с.

13. Матвеев А., Черный Е. Акционерная компания «Алмазы России-Саха»: прогноз развития в условиях рыночных преобразований // Проблемы теории и практики управления. 1997. № 2. С. 15.

14. Нефедов Б.И. Межсистемные надотраслевые образования в праве. - Омск, 2008.

15. Окриашвили Т.Г. Частноправовые отношения: общая характеристика и основные элементы механизма формирования // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 3. С. 65-67.

16. Пизенгольц В. Управление в обществах с ограниченной ответственностью // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 1993. № 10. С. 11.

17. Пономаренко Е.В. Теория права: актуальные проблемы методов исследования // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 2. С. 123-129.

18. Ткач А.А., Волобуев Н.А., Сизова Т.В., Сизова Д.А. Правовые признаки классификации хозяйственных сделок // Журнал правовых и экономических исследований. 2017. № 4. С. 87-98.

19. Сусликов В.Н. О правовом статусе предприятия как имущественного комплекса // Гражданское право. 2009. № 4. С. 24-27.

20. Шашкова А.В. Корпоративное право России. - Москва, 2009. – 330 с.

Информация об авторах:

Булатов Евгений Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
Воронежский экономико-правовой институт,
г. Воронеж, Россия

Information about authors:

Bulatov Evgeny Viktorovich,
candidate of jurisprudence, Associate Professor,
Voronezh Economics and Law Institute,
Voronezh, Russia

УДК 343.98

А.М. Хлус

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ
ПОНИМАНИЕ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА ПРИ
ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ВЛАСТЬЮ ИЛИ СЛУЖЕБНЫМИ
ПОЛНОМОЧИЯМИ**

Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье проанализирована проблема понимания объекта преступного посягательства при злоупотреблении властью или служебными полномочиями в уголовном праве и криминалистике. В теории отечественного уголовного права объектом преступления традиционно считаются общественные отношения, абстрактный характер которых исключает возможность отразить систему следов, содержащих криминалистически значимую информацию о совершенном преступном деянии и его элементах. Являясь наукой «о реальностях уголовного права», криминалистика рассматривает объект посягательства в качестве материального элемента структуры преступления. Для успешного развития интеграционных процессов в системе наук уголовно-правового цикла необходима унификация научных категорий, которыми оперируют эти науки.

Ключевые слова: уголовное право, злоупотребление властью или служебными полномочиями, криминалистика, объект преступления.

UDC 343.98

A.M. Khlus

**CRIMINAL LEGAL AND CRIMINALISTIC UNDERSTANDING OF THE
OBJECT OF CRIMINAL CONSUMPTION IN THE ABUSE OF
PERSONALITY OR OFFICIAL AUTHORITIES**

Belarusian State University

Abstract. The article analyzes the problem of understanding the object of criminal encroachment in case of abuse of power or official powers in criminal law and criminalistics. In the theory of domestic criminal law, the object of crime is traditionally considered to be social relations, the abstract nature of which excludes the possibility of reflecting a system of tracks containing criminally significant information about the criminal act committed and its elements. Being a science "about the realities of criminal law", criminalistics considers the object of en-

croachment as a material element of the structure of the crime. For the successful development of integration processes in the system of the sciences of the criminal law cycle, it is necessary to unify the scientific categories that these sciences operate on.

Key words: criminal law, abuse of power or official powers, criminalistics, the object of crime.

Злоупотребление властью или служебными полномочиями, в соответствии с законодательством Республики Беларусь [1], является коррупционным преступлением, уголовная ответственность за которое предусмотрена ст. 424 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее УК) [2].

Злоупотребление властью или служебными полномочиями как преступление таит в себе особую социальную опасность. Оно, как и взяточничество, является одним из наиболее распространенных преступлений против интересов службы, и всегда связано с корыстным использованием должностным лицом своего служебного положения.

В подавляющем большинстве случаев злоупотребление властью или служебными полномочиями ведет к значительному материальному ущербу, который наносится государственной или частной собственности. Как правило, оно переплетается с такими корыстными преступлениями, как взяточничество, хищения и другие преступления, посягающие на экономическую безопасность государства.

Непосредственным объектом данного преступления, согласно теории уголовного права, являются общественные отношения, обеспечивающие соответствующую интересам службы деятельность государственного, общественного и хозяйственного аппарата управления, независимо от формы собственности и функций управления [3, с. 963].

Такой подход к пониманию объекта преступления в уголовном праве является наиболее общим. Вместе с тем, еще в прошлом столетии ученые в области уголовного права указали на важность и недостаточную разработанность проблемы объекта преступления [4, с. 188-189] и на наличие многих спорных аспектов учения о нем [5, с. 111].

Для советской теории уголовного права, с первых лет ее существования, характерно рассмотрение общественных отношений в качестве объекта преступления [6, с. 133]. Такое мнение об объекте преступления остается доминирующим до сих пор.

В последние годы теория уголовного права пополнилась новыми концептуальными подходами к рассмотрению объекта преступления. По данному поводу В.Н. Винокуров пишет: «...общественные отношения как объект уголовно-правовой охраны – это социальное явление, не включающее в себя ничего материального, и, являясь основой правоотношений, составляют материальную предпосылку их возникновения. Элементами структуры общественных отношений являются субъекты отношений, их деятельность и предметы отношений» [7, с. 65]. Далее исследователь заметил, что «для вступления в общественные отношения необходим предмет, который бы представлял интерес для его участников (как потребность и цель взаимоотношений), поэтому он позволяет определить суть и специфику конкретных общественных отношений». Автор ставит знак равенства между предметом отношений и непосредственным объектом: «Общественные отношения – это отношения по поводу каких-либо объектов, под которыми следует понимать все то, что входит в сферу потребностей людей» [7, с. 66-67].

В теории уголовного права существуют и иные мнения по вопросу о понимании объекта преступления.

С теорией объекта преступлений как общественного отношения конкурирует теория правового блага или интереса, представленная в работах А.В. Наумова, С.А. Елисеева,

Е. Фесенко и др.

По этому поводу А.В. Наумов заметил, что «...объектом преступления следует признать те блага (интересы), на которые посягает преступное деяние и, которое охраняется уголовным законом...». Общим объектом преступления признается совокупность благ (интересов), охраняемых уголовным законом. Родовой (специальный) объект – это группа однородных благ (интересов), на которые посягает однородная группа преступлений. Непосредственный объект является благо (интерес), которому причиняется вред в результате преступления [8, с. 53].

По мнению С.А. Елисеева, понимание объекта преступления как благо (интерес) продолжает традиции уголовно-правовой науки и соответствует современным взглядам на сущность, социальную ценность права, содержание правоотношения [9, с. 15].

Е. Фесенко утверждает, что «именно ценности (личные, общественные, государственные) должны признаваться объектом преступления...». В качестве ценностей Е. Фесенко называет человека и объекты материального мира, значимые для отдельных лиц, социальных групп и общества в целом. Преступление, направленное против этих важнейших ценностей, создает угрозу причинения или причиняет им вред. «Именно поэтому указанные ценности и выступают в качестве объекта преступления» [10, с. 72].

Особенность позиции Е. Фесенко в признании человека одной из ценностей, являющейся объектом преступления. Эта идея ранее представлена в научном исследовании Г.П. Новоселова, который при любом посягательстве в качестве объекта рассматривал человека. Страдания физические лица испытывают не только в случае посягательства на их неотчуждаемое личное неимущественное право, но и тогда, когда похищается, уничтожается или повреждается их имущество. Всякий раз, как в уголовном законе говорится о преступных последствиях для человека, гражданина, потребителя и т.п., имеется в виду причинение вреда (нанесение ущерба) конкретным индивидам. Решение вопроса не может быть другим и в отношении преступлений, в которых в качестве обязательного их признака предусматривается причинение вреда обществу или отдельным организациям. Особенность такого рода преступлений в том, что ими наносится ущерб или создается угроза его нанесения некоторому множеству лиц, круг которых не всегда возможно установить в каждом отдельном случае, как в правоприменительной, так и законодательской деятельности [11, с. 51].

Криминалистика, являясь наукой «о реальностях уголовного права» [12, с.109], рассматривает любое преступное деяние как систему [13, с. 71], структура которой образована материальными элементами. В их числе можно назвать: объект, предмет, средство преступного посягательства и предмет преступления [14, с. 48].

Объект преступного посягательства как элемент криминалистической (материальной) структуры преступления существенно отличается от соответствующего уголовно-правового элемента состава преступления. В теории и практике отечественного уголовного права до сих пор в вопросе понимания содержания объекта посягательства используется концепция общественного отношения. Данная концепция не приемлема для рассмотрения объекта посягательства как равноценного понятия для уголовного права и криминалистики. Дело в том, что абстрактные по своей сути общественные отношения, социальные блага или человек [15, с. 45], составляющие содержание концепций уголовно-правового понятия объекта посягательства, не отражают систему следов, содержащих криминалистически значимую информацию о совершенном преступлении и его элементах.

Объект как элемент криминалистической структуры преступления можно представить в виде материальной совокупности или системного образования, на которые оказывается непосредственное или опосредованное воздействие, одна или несколько составляющих их частей могут определять целевую направленность преступного деяния. Необходимо иметь в виду, что сам по себе объект как единое целое так же может являться целью преступной деятельности. Это происходит в тех случаях, когда вина субъекта

преступления связана с причинением объекту посягательства вреда.

Объект преступного посягательства может быть простым и сложным, единым и множественным, одно- и многоуровневым. Особенности объекта предопределяют специфику деятельности субъекта и механизм преступления, что, в итоге, сказывается на его следовой картине, следах-отражениях, той первооснове, на которой базируется вся криминалистическая деятельность [16, с. 284].

Объектами преступного посягательства являются человек (в единственном числе или группа людей), имущество (движимое и недвижимое), компьютерные и иные электронные системы, денежные средства и ценные бумаги, транспортные средства, предприятия и учреждения, фирмы, государственные органы. Действия в отношении объекта могут быть связаны с причинением ему вреда, так и без такового.

Криминалистическое рассмотрение объекта посягательства при злоупотреблении властью или служебными полномочиями предполагает проведение криминалистического анализа его уголовно-правового состава.

В ст. 424 УК дается легальное определение злоупотребления властью или служебными полномочиями – это умышленное вопреки интересам службы совершение должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности действий с использованием своих служебных полномочий, повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам.

Данное преступление совершается с использованием предоставленных должностному лицу служебных полномочий. Это объективное обстоятельство, которое в процессе расследования подлежит установлению и подтверждению указанием на конкретные деяния и соответствующие им служебные полномочия. Анализ представленной нормы позволяет выделить общие признаки рассматриваемого преступления, которыми являются:

- 1) преступление совершается должностным лицом;
- 2) преступление совершается с использованием должностным лицом полномочий по службе;
- 3) служебные полномочия используются против интересов службы;
- 4) преступление причиняется ущерб (в крупном размере) или существенный вред;
- 5) имеется причинно-следственная связь между действиями должностного лица и наступившими последствиями.

Основываясь на предложенном определении понятию «объект преступного посягательства» в качестве такового в составе рассматриваемого преступления можно выделить несколько материальных элементов, которым в результате деяния причиняется ущерб или вред. Так в ст. 424 УК идет речь о «причинении ущерба». Термин «ущерб» в словаре русского языка трактуется как «потеря, убыток, урон» [17, с. 692]. Вместе с тем, данное понятие имеет как материальное, так и нематериальное проявление. В уголовном праве преимущественно рассматривается ущерб, имеющий материальную оценку. Так же и в рассматриваемой статье УК речь идет об ущербе, который выражается в «крупном размере». В примечании к главе 35 УК «Преступления против интересов службы» крупным размером (ущербом в крупном размере) признается размер (ущерб) на сумму в двести пятьдесят и более раз превышающий размер базовой величины, установленный на день совершения преступления [3, с. 961-962]. В качестве примера нематериального проявления ущерба можно назвать последствия, которые наступили для здоровья потерпевшего (инфаркт, инсульт и др. подобные вредные последствия, как для здоровья, так и для иных отношений) в результате совершенного преступления. Видом такого ущерба является моральный вред, который трудно оценить.

Объектами посягательства в их криминалистическом понимании для данного преступления являются человек, имущество, государственные и общественные

организации.

Человек является объектом преступного посягательства в случаях, когда в результате преступных действий на него оказывается определенное непосредственное или опосредованное воздействие. Такие деяния связаны с причинением личности гражданина существенного вреда, который может выражаться, например, в причинении умышленного легкого телесного повреждения или в умышленном создании ситуации, при которой вследствие неосторожных действий других лиц были причинены менее тяжкие или тяжкие телесные повреждения (хотя бы одному лицу). Человеку может быть причинен и иной существенный вред. При этом воздействие на него оказывается опосредованное. Например, существенный вред может быть выражен в значительном для гражданина нарушении конституционных прав и свобод на получение достоверной информации, свободное и беспрепятственное передвижение, выбор места жительства, работы, охрану здоровья, свободу выражения взглядов и т.д. [3, с. 967].

Очевидно, что при непосредственном воздействии на человека, как объект посягательства, остаётся более информативная следовая картина, что весьма существенно для расследования уголовного дела.

Человеку может быть причинен ущерб имущественного (материального) характера. Речь идет о прямом (непосредственном) ущербе, возникновение которого не связано с иными обстоятельствами и целями противоправного поведения должностного лица. В данном случае имущество, а не человек, выступает в роли объекта злоупотребления властью или служебными полномочиями.

Имущество как объект преступного посягательства отличается большим разнообразием. Оно охватывает собой множество различных вещей, разделяемых на две большие группы имущества: движимое и недвижимое. К движимым относятся пространственно перемещаемые вещи, а к недвижимым – земельные участки и все создаваемое на них, а кроме того – недра, пространство над землей [18, с. 82]. Не анализируя в деталях аспекты гражданско-правового понятия «имущество», заметим, что ему, как элементу структуры преступления, может причиняться вред.

Объектами преступного посягательства, согласно статье 424 УК, являются государственные и общественные органы и организации. При этом следует иметь в виду, что совершаемым преступлением нарушаются их интересы.

Подводя итог изложенному можно сделать некоторые выводы:

1. В теории уголовного права отсутствует единое мнение на понимание объекта преступления.

2. Уголовно-правовые концепции не приемлемы для рассмотрения объекта посягательства как равноценного понятия криминалистики. Абстрактный характер общественных отношений, социальных благ (интересов), исключает возможность отразить систему следов, содержащих криминалистически значимую информацию о совершенном преступлении и его элементах.

3. В научной, нормативной и учебной литературе по уголовному праву Республики Беларусь придерживаются традиционной концепции общественных отношений, как объекта посягательства при злоупотреблении властью и служебными полномочиями.

4. Объектами преступного посягательства при злоупотреблении властью или служебными полномочиями в их криминалистическом понимании являются материальные элементы преступной структуры, в числе которых человек, имущество, государственные и общественные организации.

5. Человеку, имуществу, государственным и общественным организациям как элементам криминалистической структуры преступления, в результате злоупотребления властью или служебными полномочиями причиняются ущерб (в крупном размере) или существенный вред.

6. Развивающиеся интеграционные процессы в системе наук уголовно-правового

цикла предполагают унификацию научных категорий, которыми оперируют эти науки. Реализация этого будет способствовать решению многих проблем теоретико-прикладного характера.

Список литературы

1. Перечень коррупционных преступлений // Генеральная прокуратура Республики Беларусь. <http://www.prokuratura.gov.by> (дата доступа 17.01.18).
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г., № 275-3 // Эталон – Беларусь Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. А.В. Баркова, В.М.Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск: Гос. ин-т упр. и соц. технологий Белорус. гос.ун-та, 2010. – 1064 с.
4. Шаргородский М.Д., Алексеев Н.С. Актуальные вопросы советского уголовного права // Учен. Записки (Ленингр. гос. ун-т). № 182. Серия юрид. наук. Вып. 5. Л., 1954. С. 188-189.
5. Кригер Г.А. К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве // Вестн. Московского ун-та. 1955. № 1. С. 111-118.
6. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву // М.: Юрид. лит., 1961. – 666 с.
7. Винокуров В.Н. Объект преступления: теория, законодательство, практика : моногр. // М.: Юрлитинформ, 2010. – 224 с.
8. Наумов А.В. Российское уголовное право : курс лекций : в двух томах // М.: Юрид. лит., 2004. Том 1. Общая часть. – 496 с.
9. Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории) // Томск, 1999. С. 15-19.
10. Фесенко Е. Объект преступления с точки зрения ценностной теории // Уголовное право, 2003. № 3. С. 72.
11. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты // М. : НОРМА, 2001. – 208 с.
12. Криминалистика: Краткая энциклопедия / Авт.-сост. Р.С.Белкин. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. – 111 с.
13. Криминалистика: учебное пособие / А.В.Дулов [и др.]; под. ред. А.В.Дулова. – Минск: ИП «Экоперспектива», 1996. – 415 с.
14. Гучок А.Е. Криминалистическая структура преступления // Минск: БГУ, 2007. – 151 с.
15. Грунтов И.О. К вопросу о понимании объекта преступления в уголовном праве // Труд. Профсоюзы. Общество. 2017. № 2 (56). С. 41-46.
16. Шумак Г.А. Экономическая криминалистика в системе криминалистической науки // Право и демократия. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 11. / Отв. ред. В.Н.Бибило. Мн., 2001. С. 284-285.
17. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов/ Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1988. – 750 с.
18. Косарев А.И. Римское частное право // М.: Юриспруденция, 2007. – 192 с.

Информация о авторе:

Хлус Александр Михайлович,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, г.
Минск, Республика Беларусь

Information about author:

Hlus Alexander Mikhailovich,
candidate of jurisprudence, Associate Professor,
Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Правила для авторов

1.1. Электронный научно-практический журнал «Синергия» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры и рецензии (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

1.2. Для публикации статьи авторам необходимо предоставить в редакцию:

- 1) текст статьи;
- 2) аннотацию и название статьи, ключевые слова, инициалы и фамилию автора на русском и английском языках;
- 3) файлы всех предоставляемых материалов на электронном носителе;
- 4) сведения об авторах: их должности, ученые степени и научные звания, служебные адреса и телефоны, телефаксы и адреса электронной почты с указанием автора, ответственного за переписку с редакцией.

1.3. В течение недели со дня поступления рукописи в редакцию авторам направляется уведомление о ее получении с указанием даты поступления и регистрационного номера статьи. Оплата за публикацию статьи не взимается.

1.4. Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и (в случае положительной рецензии) научному и контрольному редактированию.

2.1. Публикация полных статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем

следуют инициалы и фамилии авторов, заглавие статьи, развернутые названия научных учреждений, страна. Далее приводятся краткие аннотации и ключевые слова на русском и английском языках.

2.2. Редколлегия рекомендует авторам структурировать предоставляемый материал, используя подзаголовки: Введение, методика эксперимента, обсуждение результатов, заключение, библиографический список.

3.1. Текст статьи должен быть набран через полтора интервала формата А4, с полями ~ 2,0 см со всех сторон, размер шрифта 14 (Times New Roman Cyr).

3.2. Уравнения, рисунки, таблицы и ссылки на источники нумеруются в порядке их упоминания в тексте.

3.3. Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1 2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание, ссылки располагаются в порядке цитирования. Подстрочные сноски не допускаются.

3.4. Статьи публикуются в авторской редакции. Перед отправкой текста статьи в издательство, Автор принимает на себя обязательства в том, что текст статьи является окончательным вариантом, содержит достоверные сведения, касающиеся результатов исследования и не требует доработок.

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

«СИНЕРГИЯ»

2018. № 3 (17)

Главный редактор - Иголкин С.Л.

Заместитель главного редактора - Смольянинова И.В.

Ответственный секретарь - Шаталов М.А.

Дизайн обложки – Мартынов С.В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Издатель: АНОО ВО «Воронежский
экономико-правовой институт»
Адрес издательства: Российская
Федерация, 394042, г. Воронеж,
Ленинский пр-кт, 119а.
Телефон: +7 (473) 202-18-58;
+79518627959
Synergia2015@yandex.ru
mshatalov@vilec.ru
<http://www.vepi.ru/science/sinergiya/>

Publisher: ANEO HE "Voronezh Institute of
Economics and Law"
Address publisher: Russian Federation, 394042,
Voronezh,
Leninsky Av., 119a.
Phone: +7 (473) 202-18-58;
+79518627959
Synergia2015@yandex.ru
mshatalov@vilec.ru
<http://www.vepi.ru/science/sinergiya/>